

Парламентъ религій въ Чикаго.

(Окончаніе) ¹⁾.

Двадцать седьмого сентября религіозный парламентъ закончилъ свою дѣятельность и вечеръ этого дня назначенъ былъ для его послѣдняго торжественнаго собранія. Еще за цѣлый часъ до объявленнаго срока толпа народа уже тѣснилась къ дверямъ института искусствъ и длинною вереницей тянулась по прилегающимъ къ нему улицамъ. Когда двери открылись, публика быстро переполнила не только главную залу Колумба, но и сосѣднюю съ нею залу Вашингтона, гдѣ вся программа засѣданія должна была повториться. Всѣхъ посѣтителей вмѣстилось въ эти залы болѣе семи тысячъ человекъ, а желающихъ присутствовать на заключительномъ собраніи было такъ много, что, говорятъ, входные билеты только въ Вашингтонову залу барышники продавали по четыре и по пяти долларовъ. По восторженному отзыву очевидца, „заключительная сцена великаго парламента религій была такова, что навсегда останется въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье быть ея свидѣтелемъ“. Сравнительно, впрочемъ, съ описаннымъ уже нами торжествомъ открытія парламента, послѣднее его засѣданіе не представляло собою ничего новаго: та же масса народа, шумно выражающая свое настроеніе; та же украшенная разноцвѣтными флагами эстрада и тѣ же пестрые, живописные, ряды представителей религій. Самая программа послѣдняго засѣданія парламента въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ того, что мы уже видѣли при его открытіи. Одно только блестящее освѣщеніе нѣсколькихъ тысячъ лампъ

¹⁾ См. „Бог. Вѣстникъ“ 1894 г. Май.

придавало этому собранію нѣкоторую особенность сравнительно съ дневнымъ торжествомъ открытія.

Засѣданіе началось пѣніемъ гимна Генделя: „Возмите врата князи ваша“ (Пс. 23). Этотъ гимнъ, а также и всѣ послѣдующіе, превосходно были исполнены подъ управленіемъ проф. Томлинса членами клуба Аполлона, которые, въ количествѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, помѣщались на галлерейхъ. Когда смолкли послѣдніе аккорды гимна, все собраніе, по предложенію президента м-ра Боннэй, поднялось со своихъ мѣстъ и, въ молчаніи, каждый про себя молитвенно призвалъ Божіе благословеніе на общее дѣло. Затѣмъ клубъ Аполлона исполнилъ еще гимнъ кардинала Ньюмана и начались рѣчи. Засѣданіе велось обычнымъ порядкомъ, т. е. предсѣдатель поочереди представлялъ собранію ораторовъ, привѣтствуя ихъ при этомъ въ самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ, а затѣмъ и сами они выступали съ своими прощальными рѣчами. Предсѣдательское мѣсто на заключительномъ собраніи занимали попеременно мистеръ Боннэй и мистеръ Барроусъ. Мы не думаемъ, конечно, излагать здѣсь всѣ рѣчи въ ихъ полномъ видѣ, но ограничимся лишь передачею того, что намъ представляется наиболѣе интереснымъ.

Первымъ ораторомъ выступилъ предъ собраніемъ англиканскій священникъ, докторъ А. Момери. Онъ началъ свою рѣчь восторженнымъ выраженіемъ благодарности мистеру Барроусъ, какъ за лично ему оказанное гостепримство, такъ въ особенности за его предсѣдательскую дѣятельность, которою онъ стяжалъ себѣ безсмертную славу. „Я не думаю, говорилъ ораторъ, чтобы нашелся кто-либо другой, который могъ бы осуществить этотъ конгрессъ и съ такимъ гигантскимъ успѣхомъ. Для такого дѣла нужно было столько ума, столько сердца, энергіи, здраваго смысла и отваги, сколько мнѣ никогда не приходилось видѣть соединенными въ одномъ человѣкѣ“. Сердечно поздравлялъ затѣмъ м. Момери и американскій народъ по поводу того, что парламентъ религій состоялся именно въ новомъ свѣтѣ. „Съ теченіемъ времени этотъ примѣръ, конечно, найдетъ себѣ подражаніе и въ другихъ странахъ и у другихъ народовъ, но честь перваго шага навсегда останется за Америкой“. „Переполненный впечатлѣніями парламента, я не могу также

забыть и выставку. Я видѣлъ всѣ европейскія выставки за послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ и, навѣрное, не преувеличу если скажу, что ваша выставка больше всѣхъ ихъ, сложенныхъ вмѣстѣ. Но вашъ парламентъ религій болѣе и вашей выставки. Выставокъ много бывало и прежде; ваша лучше другихъ, но сравнительно она всетаки дѣло обыкновенное, тогда какъ парламентъ религій есть нѣчто новое для всего міра. Очень многіе, даже и сочувственно относившіеся къ идеѣ этого парламента, думали, что его осуществленіе невозможно, а между тѣмъ онъ состоялся. Здѣсь, въ этой самой залѣ Колумба, люди всѣхъ церквей и сектъ, а иногда и не принадлежащіе ни къ какой церкви, собрались и сидѣли другъ подлѣ друга въ теченіи многихъ часовъ, слушая презираемыя ими дотолѣ ученія съ уваженіемъ, съ сочувствіемъ и съ искреннимъ желаніемъ научиться чему-либо такому, что могло бы послужить къ усовершенствованію и ихъ собственныхъ ученій“. — „Представители тѣхъ церквей и сектъ, которыя въ минувшіе вѣка ненавидѣли и проклинали другъ друга, сидѣли здѣсь на одной эстрадѣ, какъ братья, и не было сказано почти ни одного слова, которое могло бы показаться оскорбительнымъ. Если иногда и проявлялъ себя ветхій Адамъ, если случайно что-либо и говорилось, что лучше было бы оставить невысказаннымъ, не выходило отъ этого никакого вреда. Это служило лишь къ тому, что братская любовь ваша разгоралась яркимъ пламенемъ всеобщаго энтузіазма. Казалось, что это невозможно, но здѣсь въ Чикаго невозможное осуществилось. Вы показали, что не вѣрите въ невозможности; но осуществиться это могло только вами и не осуществилось бы безъ вашего сочувствія и энтузіазма. Поздравляю васъ, граждане Чикаго! Если вы и во всемъ другомъ покажете себя столь же великими, какъ показали себя въ парламентѣ религій, то навѣрное придетъ время, когда Чикаго станетъ первымъ городомъ Америки и первымъ городомъ міра“.

М. Мозумдаръ говорилъ: „Братья разныхъ вѣръ! Прежде чѣмъ наступитъ заря, это духовное собраніе—парламентъ религій уже окончится. Какіе же уроки вынесли мы изъ нашихъ непрестанныхъ трудовъ? Во-первыхъ, обвиненіе въ матеріализмѣ, взводимое на нашъ вѣкъ вообще и на Америку въ особенности, теперь опровергнуто навсегда.

Могли ли бы эти міриады людей тратить свое время и энергію, пренебрегать своими занятіями и удовольствіями, чтобы присутствовать вмѣстѣ съ нами, если бы духъ ихъ не возвышался надъ матеріальными нуждами и плотскими желаніями? Духъ доселѣ господствуетъ надъ матеріей и надъ человѣчествомъ“.

„Во-вторыхъ, единство намѣреній и чувствъ, несомнѣнно обнаружившеся въ гармоническихъ дѣйствіяхъ этихъ семнадцати дней, показываетъ, что люди противоположныхъ взглядовъ и секты, различныя по своимъ принципамъ и исторіи, могутъ составить одно собраніе, одну семью, одно тѣло, если, хотя бы на короткое время, одушевлены однимъ духомъ. Что же это за духъ? Это духъ самаго Бога. Это единеніе человѣка съ человѣкомъ есть единеніе человѣка съ Богомъ, а единеніе человѣка съ человѣкомъ въ Богѣ есть царство небесное. Когда я отпралялся сюда по вашему приглашенію, г. президентъ, я надѣялся увидѣть здѣсь наконецъ осуществленіе того, что составляло предметъ чаяній и трудовъ всей моей жизни, а именно — соглашеніе (the harmony) религій“.—Ораторъ припомнилъ далѣе одну изъ послѣднихъ лекцій своего руководителя Кешубъ-Чендеръ-Зена, произнесенную имъ еще въ 1883 году. Въ этой лекціи, подъ заглавіемъ „миссія Азіи въ Европѣ“, между прочимъ, говорилось: „здѣсь соберутся представители міра, передовые умы, наиболѣе горячія сердца, руководящіе мыслители и благочестивые люди каждой церкви и совокупно принесутъ общее поклоненіе царю царей и господу господей. Такая центральная объединенная церковь не есть мечта воображенія, а осязательная дѣйствительность, начало которой мы уже видимъ среди народовъ міра. Уже правое крыло каждой церкви выступаетъ впередъ и выдающіеся либералы все болѣе сближаются другъ съ другомъ подъ средоточнымъ знаменемъ завѣта новаго“.— „Повѣрьте мнѣ, наступаетъ время, когда наиболѣе либеральныя вѣтви католицизма и протестантизма выступятъ впередъ, сойдутся на общей почвѣ и образуютъ широкое христіанское общество, въ которомъ все объединится, не смотря на всѣ несогласія и различія въ несущественныхъ предметахъ вѣры. Баптисты и методисты, тринитаріи и унитаріи, ритуалисты и евангелики, всѣ объединятся въ широкой, универсальной церковной орга-

низаціи, съ любовію и уваженіемъ служа общему дѣлу, хотя и сохраняя особенности своей секты. Пока выступать въ этомъ случаѣ впередъ лишь свободомыслящіе каждой секты, но со временемъ имъ послѣдуютъ и другіе“ —....., Народная масса, низшій слой каждой церкви, быть можетъ еще многіе вѣка останутся тамъ-же, гдѣ онъ теперь; но если вы взглянете на вершины, вы увидите, что всѣ смѣлые умы и возвышенныя души каждой церкви стремятся впередъ, выше, къ небу. Придите-же, друзья мои, свободомыслящіе всѣхъ церквей, выступимъ впередъ, протянемъ руку другъ другу и осуществимъ то духовное братство, то царство небесное, которое предсказывалъ Христосъ“.

„Эти слова, продолжалъ ораторъ сказаны были въ 1883 году, а въ 1893 г. каждая буква этого пророчества исполнилась. Царство небесное, по моему мнѣнію, есть обширный концентрический кругъ съ различными окружностями ученій, авторитетовъ и организацій, которыя идутъ отъ всѣхъ все далѣе и далѣе внутрь, пока небо и земля не станутъ единымъ. Самый крайній ко внѣшности кругъ — это вѣра въ Бога и любовь къ человѣку. Настоящій парламентъ по своей терпимости, по тому благодушію, взаимному расположенію и по той мудрости, какія отличали его дѣятельность, служить выраженіемъ именно этого круга въ царствѣ небесномъ. Великое множество мужей и женъ всякихъ убѣжденій было здѣсь подъ нашимъ вліяніемъ и это вліяніе станетъ распространяться еще все далѣе и далѣе. Вовлеченіе столь многихъ человѣческихъ общинъ въ этотъ магнетическій кругъ духовнаго сродства не можетъ остаться безъ вліянія и, конечно, послужитъ къ расширенію сектантскихъ разграниченій. Съ теченіемъ времени и внутренніе круги должны будутъ расширяться и любовь человѣческая и божественная завершатся въ единой церкви, единомъ Богѣ, единомъ спасеніи“.

Выразивъ свою искреннюю благодарность за то особенное вниманіе, какимъ пользовались въ парламентѣ люди востока, мистеръ Мозумдаръ заключилъ свою рѣчь словами: „Теперь прощайте! Только однажды въ исторіи всѣ религіи заключили между собою миръ, всѣ народы называли другъ друга братьями и ихъ представители каждое утро въ продолженіи семнадцати дней становились на молитву къ на-

шему Отцу небесному, общему отцу всѣхъ. Такова была Его воля, и пусть въ грядущемъ великомъ будущемъ эта благословенная воля исполняется все далѣе и далѣе во вѣки вѣковъ“.

Князь Волконскій, послѣ нѣсколькихъ словъ благодарности, обращенныхъ къ президенту и публикѣ, говорилъ: „передъ прощаньемъ я чувствую потребность высказать одно желаніе: пусть тѣ добрыя чувства которыя вы выражали такъ часто мнѣ, распространятся чрезъ меня недостойнаго и на мое отечество, вамъ такъ мало извѣстное, а мною такъ много любимое. Я прошу объ этомъ потому, что мнѣ знакомы тѣ предубѣжденія, которыя такъ распространены въ вашей странѣ. Одинъ мой соотечественникъ, какъ-то говорилъ, что русскіе считали всѣхъ американцевъ ангелами, а американцы русскихъ—звѣрями. Но вотъ теперь, хотя однажды, эти ангелы и эти звѣри сошлись вмѣстѣ и взаимно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Мы видимъ, что вы совсѣмъ не ангелы, а вы видите также, что и мы далеко не такіе звѣри, какими вы насъ себѣ представляли“.

„Откуда-же такое разочарованіе? Такая неожиданность? Гдѣ причина нашего изумленія? Причина въ томъ, что мы обыкновенно не помнимъ, что мы люди, —только люди и ничего болѣе. Ничѣмъ болѣе мы быть не можемъ, потому что быть человѣкомъ есть нѣчто самое высшее, на что только можемъ мы претендовать въ этомъ мірѣ. Я не знаю многіе-ли въ засѣданіяхъ настоящаго парламента узнали, что значить чтить Бога; но знаю, что ни одинъ не покинетъ собранія не научившись уважать человѣка. И если-бы, кромѣ этого, парламентъ религій 1893 г. не имѣлъ никакого другаго результата, то и этого достаточно, чтобы имена доктора Барроусъ и его сотрудниковъ не погибли въ исторіи человечества“.

Послѣ краткихъ привѣтственно-благодарственныхъ рѣчей японца Гираи и китайца Пунгъ-Куангъ-Ю, всталъ и низко поклонился собранію первосвященникъ шинтоизма Рсучи—Шибата. Такъ какъ онъ владѣетъ только своимъ роднымъ, японскимъ, языкомъ, то рѣчь его была прочитана мистромъ Барроусъ. Въ этой рѣчи, между прочимъ, говорилось: „настоящій парламентъ религій есть замѣчательнѣйшее событіе въ исторіи и я считаю для себя величайшею въ

жизни честью, что мнѣ досталось преимущество выступить предъ вами, чтобы высказать свою скромную идею, такъ сочувственно встрѣченную всеми вами. Вы выразили мнѣ свое сочувствіе, но я думаю, что не смертный Шибата былъ предметомъ вашего сочувствія, а бессмертная идея всеобщаго братства“...—„Я желалъ-бы содѣйствовать вамъ въ осуществленіи плана образовать это всеобщее братство“.... „Пока солнце и луна продолжаютъ сіять, все друзья истины должны быть готовы храбро бороться за этотъ великій принципъ. Не знаю, придется-ли мнѣ когда либо еще разъ увидѣть васъ въ этой жизни, но наши души такъ прекрасно соединились здѣсь, что, надѣюсь онѣ еще разъ соединятся въ жизни будущей“.—„А теперь я молюсь, чтобы восемь милліоновъ божествъ, покровительствующихъ прекрасной, плодородной странѣ Японіи, во вѣкъ покровительствовали и вамъ и вашему правительству, и затѣмъ... прощайте“!

Англійскій миссіонеръ Джорджъ Кандлингъ, между прочимъ, говорилъ: „этотъ парламентъ болѣе чѣмъ оправдалъ самыя горячія мои ожиданія. Какъ миссіонеръ, я предчувствую, что онъ составитъ новую эру для миссіонерской предприимчивости и миссіонерскихъ чаяній“.... „Этимъ парламентомъ городъ Чикаго поставилъ себя выше всехъ городовъ міра. Въ этой школѣ вы научились тому, чего не знаетъ еще ни одинъ изъ городовъ міра. Обычное представленіе о религіи, распространенное между всеми христіанами, что только христіанство истинно, а все другія религіи ложны; что христіанство свѣтъ, а другія религіи мракъ; что христіанство отъ Бога, тогда какъ другія религіи отъ діавола или, говоря съ нѣскольکو болѣею умѣренностію,—христіанство есть откровеніе небесное, тогда какъ другія религіи—произведеніе человѣческое. Вы-же хорошо теперь знаете и съ яснымъ сознаніемъ и твердою увѣренностію можете засвидѣтельствовать, что вмѣсто антагонизма между религіями можетъ быть и дружба; что какъ Богъ есть нашъ общій отецъ, такъ и сердца всехъ насъ одинаково стремятся къ нему и души наши благоговѣнно стараются внимать всякимъ благодатнымъ внушеніямъ, исходящимъ отъ престола Божія. Это вѣдомо было лишь немногимъ одинокимъ мыслителямъ и пророкамъ въ разныхъ

частяхъ свѣта, но не народу и не гражданамъ какого-либо города, исключая Чикаго. Въ этомъ задача вашего благовѣствованія, которое вамъ предназначено проповѣдывать по всѣмъ городамъ союза и съ трубнымъ звукомъ возвѣщать всему міру“.

Цейлонскій буддистъ Дармапала, обращаясь къ посѣтителемъ засѣданій парламента, говорилъ: „вы, мои братья и сестры, рожденные въ этой странѣ свободы, узнали отъ своихъ братьевъ далекаго востока о тѣхъ религіозныхъ системахъ, которымъ они слѣдуютъ. Съ похвальнымъ терпѣніемъ вы внимали ученію всемілосердаго Будды, излагаемому его скромными послѣдователями. Въ продолженіе своей сорокапятилѣтней земной жизни онъ трудился надъ освобожденіемъ ума человѣческаго отъ религіозныхъ предразсудковъ, проповѣдуя такое ученіе, которое сдѣлало Азію кроткою и доброю. Благодаря настойчивымъ и трудолюбивымъ изысканіямъ людей науки вы наслаждаетесь плодами матеріальной цивилизаціи, но эта цивилизація, сама по себѣ, не встрѣчаетъ хвалы даже со стороны самихъ великихъ естествоиспытателей настоящаго времени“.

„Учитесь мыслить безъ предубѣжденія, любите всѣхъ существующихъ ради самой любви, выражайте безъ страха свои убѣжденія, ведите непорочную жизнь, и свѣтъ истины просвѣтитъ васъ. Если богословіе и догматъ стануть вамъ на пути въ исканіи истины, оставьте ихъ въ сторонѣ. Будьте ревностны, прилежно созидайте свое спасеніе и плоды святости будутъ вамъ удѣломъ“.

Суами Вивекананда высказалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи нѣчто весьма любопытное. „Много было сказано, говорилъ онъ, объ общей основѣ религіознаго единства. Я не беру на себя смѣлость выступать теперь съ своей собственной теоріей; но если кто-либо здѣсь надѣется, что это единство осуществится благодаря торжеству какой-нибудь одной изъ этихъ религій и уничтоженію другихъ, я скажу ему: „братъ мой, твоя надежда неосуществима“. Пожелаю-ли я, чтобы христіанинъ сталъ индусомъ? Боже сохрани. Пожелаю-ли я, чтобы индусъ или буддистъ сталъ христіаниномъ? Боже сохрани“.

„Сѣмя сѣется въ полѣ и земля, воздухъ и вода окружаютъ его. Становится ли сѣмя землею, воздухомъ или

водою? Нѣтъ. Оно дѣлается растеніемъ: оно развивается по закону своего собственнаго роста, усваиваетъ себѣ и воздухъ и землю и воду, превращаетъ ихъ въ свое существо и вырастаетъ растеніемъ“.

„Нѣчто подобное и въ религіи. Христіанину не зачѣмъ становиться индусомъ или буддистомъ, а индусу или буддисту христіаниномъ; но каждый долженъ ассимилироваться съ другими, сохраняя однако свою индивидуальность и возрастая по закону своего собственнаго роста“. — „Если этотъ парламентъ религіей показалъ что-либо міру, то именно слѣдующее: онъ доказалъ, что святость, чистота и любовь не составляютъ исключительную принадлежность какой либо одной церкви въ мірѣ и что всякая система производила мужей и женъ съ самымъ возвышеннымъ характеромъ“. — „Въ виду этого доказательства, если кто-либо мечтаетъ объ исключительной жизненности только своей собственной религіи и объ уничтоженіи прочихъ, я жалѣю его отъ глубины своего сердца и замѣчу ему, что на знамени всѣхъ религіей, даже вопреки ихъ противодѣйствію, скоро будетъ написано: „помощь, а не борьба“, „объединеніе, а не истребленіе“, „согласіе и миръ, а не раздоръ“.

Послѣ этой рѣчи издатели книги сочли однако нужнымъ прибавить отъ себя слѣдующія строки: „Суами Вивекананду парламентъ всегда выслушивалъ съ интересомъ, однако нѣкоторыя мысли, высказанныя въ этихъ его заключительныхъ словахъ, встрѣтили очень мало одобренія“.

Представитель джайнизма, бомбейскій юристъ м. Ганди, въ своемъ заключительномъ обращеніи къ парламенту разсказалъ такую басню: „однажды въ большой городъ привели слона, а народъ этого города никогда до тѣхъ поръ слоновъ не видывалъ. Тамъ было семеро слѣпыхъ, которымъ сильно захотѣлось узнать, что за животное этотъ слонъ и вотъ они всѣ вмѣстѣ отцравились въ циркъ. Одинъ изъ слѣпцовъ сталъ опупывать уши слона, другой его ноги, третій хвостъ и т. д. Когда-же потомъ люди стали спрашивать ихъ: что за животное—слонъ, одинъ изъ слѣпыхъ отвѣчалъ: „о, конечно, слонъ похожъ на толстый, развѣвающійся вѣрвь“. Другой слѣпецъ говорилъ: „нѣтъ, дорогой мой, вы не правы. Слонъ больше похожъ на толстый, круглый столбъ“, а третій возразилъ: „вы совер-

шенно ошибаетесь; онъ похожъ на заостренную палку“. Всѣ остальные слѣпцы высказали также самыя различныя мнѣнія. Тогда содержатель цирка сказалъ имъ: „вы всѣ ошиблись, друзья мои. Вы не изслѣдовали слона со всѣхъ сторонъ, а если бы сдѣлали это, не составили-бы одно-стороннихъ взглядовъ“.—Умоляю васъ, братья и сестры, заключилъ ораторъ, вслушайтесь въ мораль этого разсказа и научитесь судить о различныхъ религіозныхъ системахъ со всѣхъ точекъ зрѣнія“.

Африканскій принцъ Момолу Мазакуюи началъ свою рѣчь выраженіемъ благодарности за предоставленную ему честь быть въ парламентѣ религіи представителемъ Африки. „Есть, говорилъ онъ, нѣкоторое особенное отношеніе между Африкой и настоящимъ чрезвычайнымъ собраніемъ. Почти тысячу девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, еще на зарѣ христіанства, находившаяся во мракѣ Африка дала пріютъ младенцу Спасителю, Иисусу Христу,—впослѣдствіи основателю одной изъ величайшихъ религіи, какія когда-либо провозглашались“.... „Когда я сидѣлъ въ настоящемъ собраніи, внимая знаменитымъ представителямъ науки, философіи и религіозныхъ системъ, я спрашивалъ самого себя: „каковъ-же будетъ результатъ всего этого?“—... „До настоящаго собранія величайшая вражда существовала между религіями міра,... а теперь,... вмѣсто борьбы другъ съ другомъ,.. онѣ сошлись вмѣстѣ для дружественнаго совѣщанія.... Пусть-же это собраніе мудрыхъ мужей завершится полнымъ осуществленіемъ на землѣ всеобщаго отцовства Божія, братства людей и посвященія душъ на служеніе Богу“.

Послѣ рѣчи принца, клубъ Аполлона исполнилъ хоръ „Аллилуйя“ изъ „Мессин“ Генделя. Исполненіе этого хора вызвало цѣлую бурю шумныхъ выраженій восторга, послѣ чего клубъ исполнилъ еще гимнъ Мендельсона „Суди ми, Боже“. Затѣмъ слѣдовала торжественная овація со стороны всѣхъ присутствующихъ мистеру Боннэй, котораго докторъ Барроусъ представилъ какъ человѣка, болѣе всѣхъ содѣйствовавшаго успѣху конгрессовъ. Все собраніе поднялось со своихъ мѣстъ, махало шляпами и платками и громкими кликами свидѣтельствовало ему свою благодарность.

За этимъ небольшимъ перерывомъ снова потянулся рядъ

прощально - привѣтственныхъ рѣчей. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ докторомъ Бордманомъ изъ Филадельфіи, сталъ говорить раввинъ докторъ Гиршъ изъ Чикаго. „Никто не можетъ съ такою полнотою оцѣнить глубокое значеніе настоящаго парламента, какъ именно мы“, говорилъ онъ отъ имени всѣхъ евреевъ. „Милліоны моихъ единовѣрцевъ надѣялись, что съ созваніемъ настоящей великой синагоги пробьетъ смертный часъ для той ненависти и для того предубѣжденія, отъ которыхъ они столько страдали и страдаютъ доселѣ, и надежда ихъ не обманула. Въ старнну холмы Палестины ежемѣсячно загорались кострами, возвѣщающая наступленіе новаго мѣсяца. И здѣсь теперь зажженъ радостный огонь, провозглашающій всему міру о наступленіи новаго священнаго времени“... „По древнему раввинскому обычаю, друзья никогда не расходятся, не обсудивъ сперва какаго-либо вопроса, касающагося религіозной жизни. Весь нашъ парламентъ посвященъ былъ такому обсужденію и, разставаясь, мы понесемъ отсюда съ собою богатѣйшія сокровища религіознаго назиданія, когда-либо предлагавшіяся человѣку“... „Теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ успѣха словами стариннаго еврейскаго мирнаго привѣта. Когда кого-либо изъ насъ несутъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія, мы—евреи прощаемся съ нимъ говоря: „иди въ мирѣ“; но когда кто-либо изъ живущихъ отправляется отъ насъ къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ, мы сопровождаемъ его словами: „иди къ миру“. Позвольте и мнѣ привѣтствовать васъ на вашемъ пути къ миру. Нашъ парламентъ не былъ путемъ къ смерти; это—новыя врата къ новой для насъ всѣхъ жизни, къ жизни большей любви и большаго довѣрія другъ къ другу. Миръ еще не пришелъ, но онъ уже приходитъ. Онъ придетъ тогда, когда посѣянное здѣсь сѣмя прозябнетъ и принесетъ цвѣтъ и плодъ, когда мы будемъ смотрѣть уже не чрезъ тусклое стекло, а, какъ въ древности Моисей, чрезъ прозрачную среду. Да благословитъ Богъ васъ, братъ президентъ, за вашу вѣрность и ревность, которыя благополучно провели насъ чрезъ мракъ сомнѣнія къ свѣтлому часу счастливаго и славнаго конца“.

Американскій методистъ, докторъ Бристоль, говорилъ: „безконечное благо и только благо будетъ результатомъ настоящаго парламента. Всѣмъ тѣмъ, которые пришли къ

намъ изъ далека, мы глубоко и на вѣкъ обязаны. Нѣкоторые изъ нихъ явились представителями цивилизацій, которыя были уже древними, когда Ромулъ основывалъ Римъ, философскія системы и пѣсни которыхъ были уже зрѣлы мудростью и богаты стихомъ, прежде чѣмъ Гомеръ пѣлъ свою Илиаду грекамъ. Они расширили наши представленія о человѣчествѣ. Они принесли ароматные цвѣты изъ садовъ восточныхъ религій, драгоценные камни изъ древнихъ розсыпей великихъ философовъ, и мы теперь стали богаче, благодаря ихъ умственнымъ вкладамъ и въ особенности благодаря духовному съ ними общенію“. —...„За тѣ слова, какія принесли намъ эти пришельцы, за то вліяніе, какое ими оказано, они богато будутъ вознаграждены сознаниемъ того, что содѣйствовали тому могучему движенію, которое само по себѣ служить исполненіемъ обѣтованія о единой вѣрѣ, единомъ Господѣ, единомъ Отцѣ и единомъ братствѣ“.

Секретарь парламента Ллойдъ-Джонсъ высказалъ мысль, что настоящее собраніе не останется единственнымъ. „Часто говорили, между прочими и я самъ, будто бы то, чему мы были свидѣтелями въ минувшіе семнадцать дней, никому изъ насъ уже не придется видѣть снова“. Теперь, подъ впечатлѣніемъ совершившагося, сомнѣнія Ллойдъ-Джонса разсѣялись и онъ уже предвидитъ будущій парламентъ религій, еще славнѣе и плодотворнѣе настоящаго. Размышляя о мѣстѣ этого будущаго собранія, онъ хотѣлъ было остановиться на Токио, Бомбеѣ или Калькуттѣ; но наконецъ пришелъ къ рѣшенію, что всего лучше быть ему на берегахъ Ганга въ древнемъ Бенаресѣ. Онъ увѣренъ, что этого парламента ждать придется не долго; мы начнемъ имъ двадцатое столѣтіе, а Джона Генри Барроусъ снова выберемъ его предсѣдателемъ.

Послѣ краткой рѣчи мадридскаго пастора Флиднера, на каедрѣ появилась мистриссъ Чарльзъ Генротинъ и, по обычаю, остановила вниманіе слушателей на женскомъ вопросѣ. „Весьма не трудно, говорила она, предсказать будущее значеніе женщины въ церкви. Доселѣ она была не мыслителемъ, не формулировала вѣроученій, а была лишь дѣятелемъ безгласнымъ. Это время миновало. Ей предстоитъ теперь занять свое полноправное положеніе въ дѣятель-

номъ церковномъ управленіи, а на вопросъ: дадутъ-ли ей такое мѣсто мужчины, мой собственный опытъ и опытъ предсѣдателей женскихъ комитетовъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ „да“. Въ церквахъ западныхъ будущее женщины въ ея собственныхъ рукахъ, а люди церковей восточныхъ воодушевятся примѣромъ запада и, возвратившись на родину, внушатъ нашимъ сестрамъ этихъ дальнихъ странъ, чтобы онѣ шли впередъ и дѣйствовали точно также“. — „Женщина поняла буквально Христову заповѣдь о томъ, чтобы накормить голоднаго, одѣть нагаго, помочь больному или послужить нуждающемуся; но съ возростаніемъ ея вліянія и силы возросла также и ревность ея къ добрымъ дѣламъ. Опытъ равнаго представительства мужчинъ и женщинъ въ парламентѣ религіи теперь сдѣланъ, а что онъ не сопровождался неудачею, доказательствомъ тому можетъ служить то участіе, какимъ заявили себя здѣсь женщины, удостоившіяся получить приглашеніе къ содѣйствію этому великому собранію“.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ мистрисъ Аугусты Чэпинъ, шумной оваціей встрѣчена была на каедрѣ поэтесса, мистрисъ Юлія Уордъ-Гау, авторъ „военнаго гимна республики“, и прочитала свое небольшое стихотвореніе.

Епископъ африканскихъ методистовъ Арнеттъ, между прочимъ, говорилъ: „всѣ мы здѣсь оказались согласными въ признаніи того, что источникъ истиннаго, прекраснаго и добраго есть духъ, любовь и свѣтъ, безконечной силы, мудрости и благодати. Такимъ образомъ всѣ мы согласились въ одномъ, — въ признаніи единства и духовности существа Божія. Мы разногласимъ лишь въ томъ, какъ приближаться къ Богу и какъ заслуживать Его милость и благословеніе“. — „Если бы парламентъ не сдѣлалъ и ничего болѣе, онъ доставилъ сравнительному богословію столько матеріала, что на будущее время не можетъ уже быть и вопроса о существѣ и свойствахъ Божіихъ. Великій вопросъ будущаго состоитъ не въ томъ, чтобы признать отцовство Бога или необходимость въ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ искупителя, посредника и образца, а въ томъ, чтобы братство всѣхъ людей осуществить на дѣлѣ“. — „Нѣкоторые изъ христіанъ сомнѣвались въ разум-

ности такого предпріятія, какъ парламентъ религіи, но результатъ настоящаго собранія вполне оправдалъ его разумность. Кажется, что мысль объ этомъ предпріятіи была скорѣе отъ Бога, чѣмъ отъ человѣка; а ея осуществленіе было удивительно во всѣхъ подробностяхъ... Ни одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніяхъ не остался безъ убѣжденія, что христіанство ни мало не потеряло отъ бывшаго въ парламентѣ обсужденія или сравненія, но стоитъ теперь въ такомъ свѣтѣ, какой невѣдомъ былъ въ прежнее время. То, что было предложено различными учителями религіи и философіи, не отмѣнило десяти заповѣдей, нагорной проповѣди и заповѣдей блаженства. Наши ученія и теперь столь-же высоки и чисты, какъ были и до настоящаго собранія, и каждый мужчина и каждая женщина только укрѣпились въ той вѣрѣ, которая нѣкогда была завѣщана святымъ". — „Есть и еще одинъ благой результатъ отъ настоящаго собранія: оно научило насъ, что хотя мы и имѣемъ на своей сторонѣ истину, но не всю. Мы обладаемъ истинной въ теоріи, но на практикѣ не совсѣмъ. Строгая критика, которой мы подверглись, касалась не ученій нашихъ, а нашей дѣятельности, которая не находится въ согласіи съ нашей же проповѣдью и съ нашими же ученіями"...

За Арнеттомъ выступилъ съ прощальною рѣчью католическій епископъ Кинъ изъ Вашингтона. „Когда среди дѣятелей по устройству всемірныхъ конгрессовъ“, говорилъ онъ, „поднялся докторъ Барроусъ и провозгласилъ великую мысль, что всѣ религіи міра должны здѣсь собраться вмѣстѣ, люди говорили: „это невозможно“. Но онъ сдѣлалъ это и да будетъ его имя безсмертнымъ“. — „Когда приглашеніе на настоящій парламентъ прислано было древней католической церкви и ее спрашивали, пойдетъ ли она сюда, народъ говорилъ: „неужели она пойдетъ?—А древняя католическая церковь сказала: кто-же имѣетъ всего больше права идти на парламентъ всѣхъ религіи міра, какъ не древняя, католическая вселенская церковь?“—Народъ говорилъ: „но если древняя католическая церковь пойдетъ сюда, найдеть-ли она тамъ еще кого-либо?“ А древняя церковь сказала: „даже если бы ей пришлось одной стоять на этой эстрадѣ, она все-таки стала-бы на ней“. — „И вотъ древняя церковь пришла сюда и съ радостію встрѣтила здѣсь сво-

ихъ собратій, людей вѣрующихъ и любящихъ, всякихъ племенъ и всякихъ религій. Она съ радостію встрѣтила здѣсь представителей древнихъ религій міра и говоритъ имъ: теперь мы уѣзжаемъ отсюда. Мы расходимся по своимъ домамъ. Мы пойдемъ своими старыми путями. Неужели-же, друзья мои, мы не станемъ оглядываться назадъ на это зрѣлище единенія и не будемъ плакать о томъ, что раздѣленіе доселѣ все еще продолжается? Неужели мы не станемъ молиться, чтобы посѣянное здѣсь сѣмя единенія возросло въ обилии и совершенствѣ? О, друзья мои, помолимся объ этомъ. Лучше для насъ быть въ единеніи. Если бы единеніе не было для насъ лучше раздѣленія, Господь и Богъ нашъ не молился-бы Отцу Своему, чтобы какъ Онъ и Отецъ едино, такъ едино были-бы и всѣ мы“. (Іоан. XVII, 21).

Въ заключительномъ словѣ президента, мистера Барроусъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія интересныя строки: „мы узнали, говорилъ онъ, что истина широка и, по Божественному провидѣнію, не одинъ есть, а много путей, которыми люди идутъ отъ мрака къ небесному свѣту. Не путемъ одной какой-либо секты или философіи Августины и Оригена, Джонъ Гендри Пьюмэнъ и Стэнли, Джонатанъ Эдвардсъ и Чаннингъ, Генри Уордъ Бичеръ и Кешубъ Чендеръ Зенъ достигали вѣчнаго свѣта. Двѣнадцать вратъ въ великой стѣнѣ царства небснаго и, если мы когда-либо войдемъ въ эти врата, безъ сомнѣнія изумимся, встрѣтивъ тамъ многихъ изъ тѣхъ, которыхъ совсѣмъ не ожидали видѣть. Болѣе надежны, конечно, тѣ, которые чисты въ дѣлахъ своихъ, хотя по вѣрѣ и пребываютъ въ полумракѣ, чѣмъ себялюбцы, успокоивающіеся на христіанствѣ безжизненномъ“....

Наконецъ поднялся съ своего мѣста президентъ мр. Боннэй, чтобы сказать парламенту религій послѣднее заключительное слово.

„Служители Бога и друзья человѣчества“! говорилъ онъ. „Настоящему великому предпріятію нужно сказать теперь послѣднее слово и я скажу его съ невыразимою радостію и благодарностію. Дивный успѣхъ этого перваго всемірнаго конгресса религій былъ осуществленіемъ того моего задушевнаго убѣжденія, котораго я держался многіе годы. Еще

въ юности я познакомился съ великими религіозными системами міра, а въ зрѣлые годы стоялъ въ близкомъ общеніи съ вождями многихъ церквей. Это привело меня къ убѣжденію, что если бы различныя религіи поставили въ отношенія дружественнаго взаимообщенія, нашлись-бы многіе пункты согласія и единства и такимъ образомъ много облегчилось-бы и подвинулось впередъ дѣло будущаго объединенія человѣчества въ любви къ Богу и въ служеніи ближнему“.

„Что многіе считали невозможнымъ, Господь наконецъ совершилъ. Религіи міра дѣйствительно сошлись въ величественномъ собраніи; свободно и дружественно обсуждали онѣ вмѣстѣ насущные вопросы жизни и безсмертія и теперь расходятся въ мирѣ съ горячими выраженіями взаимнаго расположенія и уваженія“.—Правила конгресса, запрещавшія споры и нападки, соблюдены были, въ общемъ, съ удивительною точностію. Исключеній было такъ мало, что они легко могутъ быть изглажены изъ документовъ и памяти. Эти исключенія послужили даже на пользу, какъ благовременныя предостереженія противъ несчастной склонности вовлекаться въ метафизическія пренія. Если неосторожная рука бросила въ собраніе горящую головню, будемъ благодарны за то, что другая рука, болѣе нѣжная, погрузила эту головню въ воду забвенія и погасила ея пламя“.— „Если нѣкій западный боецъ, забывъ на время, что здѣсь дружественное собраніе, а не поле битвы, выступилъ съ своимъ воинскимъ кликомъ, порадуемся, что наши восточные друзья кротко отвѣчали: „Отче, отпусти имъ, потому что не знаютъ, что говорятъ“.

„На этомъ дружескомъ собраніи никакая религіозная система не была скомпрометирована, ни одинъ проповѣдникъ какой-либо религіи не былъ поставленъ въ ложное положеніе какимъ нибудь дѣйствіемъ конгресса“.— „Пріобрѣтенныя здѣсь знанія, какъ драгоценныя сокровища, понесутся получившими ихъ на родину и тамъ, свободно и разумно, станутъ обсуждаться, оцѣниваться и примѣняться по достоинству“— „Изобразить то вліяніе, которое конгрессъ религій будетъ имѣть на миръ и благосостояніе всего міра, — выше силъ языка человѣческаго, ибо это вліяніе, разнесенное по всѣмъ странамъ земли тѣми, которые присут-

ствовали на засѣданіяхъ парламента религій, окажетъ свое важное дѣйствіе на всѣ племена, на всѣ формы религіи и даже на всѣ правительства и соціальныя учрежденія“. — „Результаты этого вліянія не скоро обнаружатся во внѣшнихъ перемѣнахъ, но они заявятъ о себѣ въ мысляхъ и чувствахъ и въ дѣлахъ любви. Вѣрованія и учрежденія долго могутъ оставаться неизмѣнными по формѣ; но новый духъ свѣта и мира проникнетъ ихъ, ибо этотъ конгрессъ міровыхъ религій есть удивительнѣйшее обнаруженіе приближающагося исполненія апокалиптическаго пророчества: „се нова вся творю“ (Апок. XXI, 5).

„Какъ ни великъ всемірный парламентъ религій самъ по себѣ, его важность неизмѣримо возвышается, благодаря его окружающей обстановкѣ и отношеніямъ; онъ есть центръ и вѣнецъ того великаго движенія, которое касается всѣхъ руководящихъ интересовъ человѣчества. Всѣ эти интересы ему содѣйствовали и самъ онъ, съ своей стороны, служить имъ на пользу“. — „Религія составляла лишь одну двадцатую часть всей программы всемірныхъ конгрессовъ. И въ этомъ самомъ отдѣлѣ, кромѣ главнаго парламента религій, было около пятидесяти другихъ конгрессовъ, не считая множества спеціальныхъ собраній по важнымъ вопросамъ. Въ предшествовавшихъ отдѣлахъ 141 конгрессъ имѣлъ 926 засѣданій, а въ отдѣлахъ послѣдующихъ будетъ еще болѣе пятнадцать конгрессовъ. Такимъ образомъ божественное вліяніе религій поставлено въ соотношеніе: съ женскимъ прогрессомъ, печатью, медициной и хирургіей, трезвостью, нравственной и соціальной реформой, торговлей и финансами, музыкой, литературой, воспитаніемъ, инженерной наукой, управленіемъ, искусствомъ, наукой и философій, трудомъ, соціальной и экономической наукой, воскреснымъ отдыхомъ, общественнымъ здравіемъ, земледѣіемъ и другими важными областями, подвергавшимися обсужденію конгрессовъ“... „Теперь прощайте! Тысяча поздравленій и благодарностей за сотрудничество и помощь всѣмъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ достиженію тѣхъ славныхъ результатовъ, которые мы празднуемъ въ настоящее время. Отнынѣ религіи міра будутъ вести войну не другъ съ другомъ, а противъ тѣхъ исполнскихъ золь, которыми страдаетъ человѣчество. Отнынѣ пусть во всемъ мірѣ всѣ поклоняющіеся

Богу и любящіе ближняго соединятся въ ангельскомъ словословіи: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“!

По окончаніи рѣчи мистера Боннэй, раввинъ докторъ Гиршъ прочиталъ молитву Господню, слова которой, по обычаю, повторяло за нимъ все собраніе, затѣмъ произнесъ молитву и преподалъ общее благословеніе епископъ Кинь; клубъ Аполлона при содѣйствіи всѣхъ присутствовавшихъ исполнилъ гимнъ „Америка“ и наконецъ президентъ м. Боннэй объявилъ парламентъ религіей закрытымъ.

На театральныхъ сценахъ появляются иногда такія піэсы, при созерцаніи которыхъ зритель не знаетъ, — плакать ему, или смѣяться. Нѣчто подобное случается и съ піэсами, разыгрывающимися на жизненной сценѣ, и Чикагскій парламентъ религіей можно, повидимому, отнести къ ихъ числу. Занавѣсъ давно уже опустился; оригинальное собраніе закончило свою дѣятельность, но зрители, въ изумленіи, кажется и до сихъ поръ не знаютъ, — плакать имъ, или смѣяться. Одни изъ нихъ скорбятъ, другіе радуются; одни бранятъ парламентъ, другіе его превозносятъ; одни плачутъ, другіе смѣются. Такъ было и тогда, когда инициаторы предпріятія только еще хлопотали объ его осуществленіи; такъ продолжалось, когда парламентъ состоялся; такъ остается и доселѣ. Мы помнимъ тѣ восторженные отзывы, какими американская пресса напр. встрѣчала открытіе парламента, и какими преполнены были всѣ привѣтственные рѣчи на его первомъ засѣданіи. Время, повидимому, нисколько не охладило этихъ восторговъ. И при закрытіи парламента раздаются тѣ-же трубные звуки, та-же несется хвала и ораторы такъ же не находятъ достаточно словъ, чтобы превознести совершившееся великое дѣло. По ихъ словамъ, это — „замѣчательнѣйшее событіе въ исторіи“, это — „новая эпоха въ исторіи религіей“, „блестящая услуга дѣлу истины“, „новыя врата къ новой для всѣхъ насъ жизни“, „преддверіе всеобщаго братства“. Это-такое предпріятіе, которое „составитъ новую эру для миссіонерской предпримчивости и миссіонерскихъ чаяній“. „Безконечное благо и только благо будетъ результатомъ настоящаго парламента“, „кажется, что мысль объ этомъ предпріятіи была скорѣе отъ Бога,

чѣмъ отъ человѣка, а ея осуществленіе было удивительно во всѣхъ подробностяхъ“. „Изобразить то вліяніе, которое конгрессъ религій будетъ имѣть на миръ и благосостояніе всего міра—выше силъ языка человѣческаго“. Но наряду съ этимъ хвалебнымъ хоромъ слышится и нѣчто другое. Не мало есть и такихъ людей, которые говорили и говорятъ, что Чикагскій парламентъ—„затѣя необдуманная и легкомысленная“, „уродливое дѣтище американской предприимчивости“. Засѣданія этого парламента были лишь „пикантнымъ препровожденіемъ времени для вечерняго отдыха послѣ утомительнаго хожденія по разнымъ отдѣламъ выставки“. Эта была просто „комедія, хотя слишкомъ длинная“ и далеко не безопасная, такъ какъ религіозный парламентъ много содѣйствовалъ „распространенію микробовъ ложныхъ религій“, а одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ епископаловъ Соединенныхъ Штатовъ, докторъ Диксъ, въ своихъ проповѣдяхъ въ Нью-Йоркѣ называлъ наконецъ это предпріятіе „образцовымъ произведеніемъ изобрѣтательности врага человѣческаго, вредныя послѣдствія котораго невозможно будетъ и исчислить“. Гдѣ-же правда? На чью сторону стать намъ? Плакать намъ, или смѣяться?

Разность отзывовъ о Чикагскомъ религіозномъ парламентѣ зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ различія тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ люди смотрятъ на это явленіе и производятъ его оцѣнку. Чтобы быть какъ можно ближе къ истинѣ, постараемся взглянуть на это предпріятіе такъ, какъ намъ представляется всего болѣе законнымъ и естественнымъ и какъ даютъ намъ право смотрѣть на него сами его устроители.

Организаторы парламента не рѣдко и весьма настойчиво заявляютъ себя самыми искренними христіанами. М. Барроусъ еще за долго до открытія парламента, защищая свое дѣло противъ нападокъ на него, между прочимъ писалъ: „мы вѣруемъ, что христіанство должно замѣнить всѣ другія религіи, потому что оно не только содержитъ во всей полнотѣ имѣющуюся въ нихъ истину, но и гораздо болѣе, открывая людямъ Бога—искупителя“. Въ первой рѣчи своей на торжественномъ открытіи парламента тотъ-же главный вождь его опять повторялъ, что „христіанство, какъ мы вѣруемъ, совмѣщаетъ въ себѣ элементы и божественныя

силы, соответствующія нуждамъ всѣхъ людей“. А когда парламентъ закрылся и его организаторы, въ официально-изданномъ отчетѣ, стали подводить итоги завершившагося предпріятія, они еще разъ сочли нужнымъ заявить, что „по ихъ убѣжденію, элементы религіи всемірной уже даны въ христіанскомъ идеалѣ и въ христіанскихъ Писаніяхъ“ и „никакая другая религія не можетъ имѣть равныхъ съ христіанствомъ притязаній на то, чтобы стать конечною религіей всего человѣчества“. Итакъ, убѣжденные христіане были устроителями Чикагскаго религіознаго парламента и мы, христіане-же, желаемъ произнести о немъ свое сужденіе. Не законно-ли и не естественно-ли намъ въ этомъ случаѣ стать именно на христіанскую, общую намъ, точку зрѣнія? Такъ мы и сдѣлаемъ.

На первой-же страницѣ обнародованнаго парламентскаго отчета мы читаемъ: „религія какъ бѣлый небесный свѣтъ въ призмахъ людей разбилась на разноцвѣтные осколки. Одна изъ задачъ парламента религіей состояла въ томъ, чтобы эти разноцвѣтные лучи снова превратить въ бѣлый свѣтъ небесной истины“. Заключая свой отчетъ, издатель говоритъ, что просвѣщенное христіанство отнынѣ никогда не станетъ считать язычество лишь „массою низменныхъ и развращенныхъ суевѣрій“. „Приписывать все только одному христіанству и не признавать ничего добраго въ другихъ религіяхъ значило-бы поступать не по христіански и унижать ту Божественную благодать, которая не ограничивается какими-либо географическими предѣлами и даруетъ милости свои и праведнымъ и неправеднымъ“. Много разъ и съ особенною любовію, какъ въ воззваніяхъ, такъ и въ рѣчахъ, устроители и ораторы парламента повторяли, что „Божественный свѣтъ просвѣщаетъ всякаго человѣка“, „что Богъ не оставлялъ себя неосвидѣтельствованнымъ“, „что во всякомъ языкѣ бояйся его и дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть“, а св. ап. Павелъ „не всѣ языческія религіи признавалъ злокачественными и училъ аеинянъ, что и онъ и они поклоняются одному и тому-же Богу, родъ котораго всѣ мы“. „Я не сомнѣваюсь, писалъ м. Барроусъ еще до открытія парламента, что это феноменальное собраніе съ полною ясностію обнаружитъ тотъ фактъ, что между религіями есть нѣкоторое единство, т. е. что люди не только

имѣють общія желанія и нужды, но и содержать также, съ большею или меньшею ясностію, и нѣкоторыя общія истины“. Въ парламентской программѣ задачей собранія поставлено было, между прочимъ, „показать людямъ съ возможно большею ясностію, во сколькихъ и въ какихъ именно важнѣйшихъ истинахъ различныя религіи исповѣдуютъ и учать согласно“. Итакъ, однимъ изъ основныхъ положеній Чикагскаго парламента была мысль, что во всѣхъ религіяхъ есть нѣкоторая доля истины. Противъ этой мысли никто, конечно, возражать не станетъ; но что-же далѣе? Какой-же дальнѣйшій выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ нея? Съ нашей, христіанской, точки зрѣнія знакомство съ другими религіями и обнаруженіе въ нихъ нѣкоторой доли истины приводитъ лишь къ тому убѣжденію, что человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ или вынужденный довольствоваться однимъ естественнымъ откровеніемъ, безсиленъ пріобрѣсти себѣ истинное понятіе о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку. Только сверхъестественное Божественное откровеніе избавляетъ его отъ вѣчныхъ блужданій во мракѣ и указываетъ ему прямой путь къ вѣчной жизни. Всѣ другія религіи, кромѣ христіанской, содержатъ въ себѣ, въ большей или меньшей степени, лишь слабые проблески той Божественной истины, которая въ полнотѣ и совершенствѣ дана въ христіанствѣ, какъ въ религіи, основанной на Божественномъ откровеніи, а потому христіанство есть единая истинная религія, которая, какъ истина надъ заблужденіемъ, должна восторжествовать надъ всѣми другими. Всѣ эти другія религіи, какъ несовершенныя и временныя, должны уступить всемірному господству единой истинѣ христіанства. Организаторы Чикагскаго парламента дѣйствительно, какъ мы видѣли, не разъ высказывали эту мысль, заявляя, что именно христіанство должно замѣнить всѣ другія религіи и стать конечною религіею всего человѣчества. Такія заявленія однако, въ массѣ всего того, что было написано и сказано парламентскими дѣятелями, являются лишь рѣдкими и слабыми исключеніями. Съ гораздо бѣльшею силою выставляется и развивается въ парламентѣ мысль инаго свойства, а именно что христіанство есть лишь одна изъ многихъ религій, стоящая на ряду съ другими и не имѣющая какого-либо ис-

ключительнаго преимущества и значенія. Наиболѣе рѣшительнымъ проповѣдникомъ этой мысли явился, какъ мы видѣли, индусъ-монахъ Суами-Вивекананда. При открытіи парламента онъ говорилъ: „мы вѣруемъ, что всѣ религіи истинны“.... „Вотъ одинъ изъ гимновъ моей религіи... „разные потоки, текущіе отъ источниковъ разныхъ мѣстъ, соединяють свои воды въ морѣ. Различны, Господи, пути, которыми люди идутъ по своимъ различнымъ стремленіямъ; но какъ бы ни казались они различны, извилисты или прямы, всѣ они ведутъ къ Тебѣ“. Еще яснѣе высказался онъ, какъ мы сейчасъ видѣли, въ своей заключительной рѣчи. Разсуждая о религіозномъ единствѣ, онъ говорилъ: „если кто-либо здѣсь надѣется, что это единство осуществится благодаря торжеству какой-либо одной изъ религій и уничтоженію другихъ, я скажу ему: братъ мой, твоя надежда не осуществима“.... „Пожелаю-ли я, чтобы индусъ или буддистъ сталъ христіаниномъ? Боже сохрани“.... „Этотъ парламентъ религій показалъ, что святость, чистота и любовь не составляютъ исключительную принадлежность какой-либо одной церкви въ мірѣ и что всякая система производила мужей и женъ съ самымъ возвышеннымъ характеромъ“.... „Если кто-либо мечтаетъ объ исключительной жизненности только своей собственной религіи и объ уничтоженіи прочихъ, я жалѣю его отъ глубины своего сердца“.... Правда, эту послѣднюю рѣчь Вивекананды въ официальномъ парламентекомъ отчетѣ издатель сопровождаетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторою оговоркой; но индусъ виноватъ въ этомъ случаѣ нисколько не болѣе многихъ другихъ,—онъ только прямо и смѣло высказалъ то, что другіе высказывали съ большою осторожностію. Что удивляться если онъ, язычникъ, развивалъ такія воззрѣнія, когда и представители христіанства проповѣдывали часто почти то же самое. Развѣ не та же мысль сквозила въ письмѣ доктора Никкольса, когда онъ заявлялъ: „есть не мало добродушныхъ ханжей, которые воображаютъ, что Богъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока всѣхъ людей не сдѣлаютъ пресвитеріанами.... Кромѣ ихъ собственной религіи, во всемъ свѣтѣ нѣтъ будто-бы никакой другой, которая заслуживала бы вниманія“? Развѣ не та же мысль выражалась въ словахъ англиканца Момери, когда онъ въ рѣчи своей при

открытіи парламента говорилъ: „нужно признать фактомъ, что всѣ религіи въ основѣ своей болѣе или менѣе истинны, а во внѣшнихъ проявленіяхъ своихъ всѣ онѣ болѣе или менѣе ложны“? Не то-же ли подтверждалъ на заключительномъ собраніи и англійскій миссіонеръ м. Кандлипъ, когда благимъ результатомъ парламента выставлялъ уничтоженіе того, „обычнаго представленія о религіи, распространеннаго между христіанами, что только христіанство истинно, а всѣ другія религіи ложны, что христіанство свѣтъ, а другія религіи мракъ; что христіанство отъ Бога, тогда какъ другія религіи отъ діавола... или христіанство есть откровеніе небесное, тогда какъ другія религіи—произведеніе человѣческое“? На утреннемъ засѣданіи въ послѣдній день парламента пасторъ Гугенгольтцъ, представитель такъ называемой свободной церкви въ Голландіи, говорилъ: „какой будетъ и долже́нъ быть результатъ парламента? Я увѣренъ, что онъ положить предѣлъ соперничеству различныхъ религій, стремящихся показать, что только одна религія, какъ единственно-благая и истинная, должна быть признана лучшею изъ всѣхъ. Религія до такой степени подчиняется вліянію климата, расы и традиціи, что лучшее для одного кого-либо не можетъ удовлетворять въ той-же мѣрѣ нуждамъ другаго“. Не значило-ли это то-же, что сказать словами Вивекананды: „пожелаю ли я, чтобы индусъ или буддистъ сталъ христіаниномъ? Боже сохрани“?—Къ самымъ заявленіямъ организаторовъ парламента, когда они говорятъ о превосходствѣ христіанства, какъ религіи конечной и всемірной, едва-ли можно относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Тотъ-же мистеръ Барроусъ на послѣднемъ собраніи, какъ мы знаемъ, говорилъ, что „истина широка и, по Божественному провидѣнію, не одинъ есть, а много путей, которыми люди идутъ отъ мрака къ небесному свѣту“.... „Двѣнадцать вратъ въ великой стѣнѣ царства небеснаго и, если мы когда-либо войдемъ въ эти врата, безъ сомнѣнія изумимся, встрѣтивъ тамъ многихъ изъ тѣхъ, которыхъ совсѣмъ не ожидали видѣть“. Основная тенденція чикагскаго парламента, намъ кажется, съ достаточною ясностію выразилась въ указанномъ нами остроумномъ сравненіи религіи съ лучемъ свѣта, преломляющимся въ призмѣ. Религіозная истина, по смыслу этого сравненія, какъ бѣлый лучъ свѣта,

проходя чрезъ призму человѣческаго воспріятія, у разныхъ народовъ получаетъ разный видъ, являясь уже не одинаковымъ для всѣхъ бѣлымъ, а многими разноцвѣтными лучами. Задача парламента состоитъ, говорятъ, въ томъ, чтобы эти разноцвѣтные лучи снова соединить въ одинъ бѣлый. Гдѣ же здѣсь мѣсто христіанству? Никто не говоритъ намъ, что бѣлый лучъ чистой истины въ христіанствѣ остается въ своей первоначальной чистотѣ и неприкосновенности и только въ другихъ религіяхъ преломляется и получаетъ измѣненный видъ. Никто не говоритъ, что разноцвѣтные лучи другихъ религій должны возвратить себѣ первоначальную чистоту истины чрезъ обращеніе ко Христу. Нѣтъ, — бѣлый лучъ чистой истины выставляется чѣмъ-то искомымъ, къ достиженію чего стремится, между прочимъ, и парламентъ, а если такъ, то христіанство есть только одна изъ многихъ религій, въ которой чистая истина, какъ и во всѣхъ другихъ религіяхъ, преломляется и измѣняется подъ вліяніемъ условій человѣческаго воспріятія. Христіанство ставится такимъ образомъ, на одну доску со всѣми другими религіями, противъ чего именно и протестовалъ архіепископъ Каптербурійскій въ своемъ, извѣстномъ намъ, посланіи.

Организаторы парламента не хотятъ, однако, признать за собою такой тенденціи. Пасторъ Стэдъ въ отвѣтъ архіеп. Каптербурійскому писалъ, что „ни отъ кого изъ членовъ парламента не требуется признанія равноправности всѣхъ другихъ религій съ его собственною, а совершенно напротивъ“. „Задача парламента, писалъ Барроусъ, одинаково не благопріятствуетъ ни фанатизму, ни индифферентизму“. Изданное комитетомъ воззваніе „рѣшительно отстраняло отъ себя всякій упрекъ въ содѣйствіи индифферентизму“. Президентъ конгрессовъ мистеръ Боинэй, въ рѣчи при открытіи парламента, говорилъ: „здѣсь нѣтъ никакой попытки представить всѣ религіи равными по ихъ достоинству. Такая идея рѣшительно отвергается“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавлялъ: „на этомъ конгрессѣ каждая религіозная система стоитъ сама по себѣ, въ совершенной своей неприкосновенности“ и, закрывая парламентъ, хвалился: „на этомъ дружескомъ собраніи никакая религіозная система не была скомпрометирована, ни одинъ проповѣдникъ ка-

кой-либо религіи не былъ поставленъ въ ложное положеніе какимъ-нибудь дѣйствіемъ конгресса“.

Люди разныхъ странъ и народностей собрались на Чикагскій парламентъ „въ убѣжденіи, что каждый имѣетъ право держаться своей религіи“, „которая можетъ стоять въ своей совершенной неприкосновенности“. Для чего-же, спрашивается, собрались они здѣсь? Была-ли у этого парламента религіи какая-либо „религіозная“ цѣль?—М. Боннэй, открывая собраніе, говорилъ: „мы хотимъ соединить здѣсь всѣ религіи противъ невѣрія и явить міру существенное единство многихъ религіи въ добрыхъ дѣлахъ благочестивой жизни“, а въ послѣдней своей рѣчи заявлялъ, что „дружественное взаимообщеніе различныхъ религіи облегчило-бы и подвинуло впередъ дѣло будущаго объединенія человечества въ любви къ Богу и въ служеніи ближнему“. Парламентскіе ораторы много разъ развивали мысль, что задача небывалаго собранія состоитъ въ служеніи великому дѣлу „объединенія“ и „соглашенія“ (harmony) религіи, въ „содѣйствіи тому могучему движенію, которое служитъ исполненіемъ обѣтованія о единой вѣрѣ, единомъ Господѣ, единомъ Отцѣ и единомъ братствѣ“. Что-же это за „соглашеніе религіи“ и въ какомъ смыслѣ понимать его? Съ нашей, христіанской, точки зрѣнія—это дѣло совсѣмъ немислимое. Мы понимаемъ объединеніе религіи лишь въ одномъ смыслѣ,—въ смыслѣ обращенія всѣхъ ихъ къ христіанству, какъ къ единой истинѣ, и никакого соглашенія, въ смыслѣ взаимныхъ уступокъ, допустить не можемъ. Парламентскіе ораторы Чикаго держались очевидно иныхъ воззрѣній. Исходя изъ того основнаго положенія, что всѣ религіи болѣе или менѣе истинны, что одна и та-же Божественная истина возвѣщалась людямъ и Христомъ, и Магометомъ, и Буддой, и Конфуціемъ, они не хотѣли признать ни за одной религіей исключительнаго значенія, а мечтали привести ихъ къ равноправному соглашенію. Они желали выяснитъ тѣ важнѣйшіе пункты вѣроученія, которые общи всѣмъ религіямъ, и на этой общей почвѣ установить ихъ объединеніе, оставляя въ сторонѣ всѣ существующія между ними догматическія разности, какъ несущественныя. Ихъ мечта состояла такимъ образомъ въ томъ, чтобы посредствомъ сближенія и сопоставленія существующихъ ре-

лигій создать новую религію, универсальную, широкую, которая состояла-бы изъ ученій, общихъ всѣмъ религіямъ, и потому объединяла-бы все человѣчество. Мысль о такомъ именно соглашеніи религій подробно развивалъ, между прочимъ, м. Мозумдаръ въ своей прощальной рѣчи. Онъ припоминалъ, какъ мы видѣли, мечты Кешубъ-Чендеръ-Зена о томъ, какъ передовые люди всѣхъ церквей соберутся вмѣстѣ и принесутъ общее поклоненіе Царю царей, какъ либеральныя вѣтви католицизма, протестантизма и всякихъ сектъ сойдутся на общей почвѣ и образуютъ широкую универсальную церковь, не смотря на несогласія въ несущественныхъ предметахъ вѣры. Такая объединенная церковь будто-бы уже и не мечта, а осязательная дѣйствительность, начало которой уже видится среди народовъ міра. Чикагскій парламентъ, по мысли Мозумдара, и служить выраженіемъ именно этого стремленія объединить всѣ религіи на широкой почвѣ вѣры въ Бога и любви къ человѣку. Конечно, на пути къ водворенію этой широкой, универсальной религіи многимъ вѣрующимъ людямъ можетъ встрѣтиться препятствіе въ тѣхъ отличительныхъ догматахъ, которые составляютъ принадлежность ихъ родной религіи и не кажутся имъ не существенными, но съ подобнымъ препятствіемъ особенно церемониться не слѣдуетъ. Другой парламентскій ораторъ, м. Дармапала, даетъ на этотъ случай своимъ слушателямъ такой совѣтъ: „если богословіе и догматы станутъ вамъ на пути въ исканіи истины, оставьте ихъ въ сторонѣ“. Намъ думается, что и организаторы Чикагскаго парламента не чужды были такой тенденціи, какъ ни отрекались отъ нея и какъ ни рѣшительно заявляли, что именно въ христіанствѣ они видятъ религію конечную и всемірную. Самыя ихъ заявленія нерѣдко звучатъ такъ, что невольно видится въ нихъ подтвержденіе нашему предположенію и кажется намъ, что только при такомъ предположеніи выясняются и устраняются тѣ противорѣчія и недоумѣнія, которыя выступаютъ на видъ, когда съ одной стороны говорится, что всѣ религіи болѣе или менѣе истинны и представляютъ собою лишь разные пути къ одной цѣли, а съ другой—что христіанство содержитъ въ себѣ истину въ полнотѣ и должно быть конечною религіей всего человѣчества;—съ одной стороны, что христіанство должно за-

мѣнить всѣ другія религіи, а съ другой, — что объединеніе человѣчества должно совершиться лишь на широкой почвѣ вѣры въ Бога и любви къ человѣку. Въ послѣдней главѣ отчета издатель говоритъ: „идея образованія при посредствѣ парламента міровой или всеобщей религіи не была на мысли у его главныхъ организаторовъ. Они убѣждены, что элементы такой религіи уже содержатся въ христіанскомъ идеалѣ и въ христіанскихъ писаніяхъ. Пытаться формулировать такую всемірную религію они не думали... Наилучшая религія—должна обнаружиться и въ концѣ концовъ она переживетъ всѣ другія, потому что будетъ содержать въ себѣ все, что только есть истиннаго во всѣхъ религіяхъ“. Смыслъ этого заявленія, намъ кажется, таковъ: организаторы парламента не поставляли его непосредственно, прямою задачей — формулировать универсальную религію. Они убѣждены, что это совершится само собою, а парламентъ, сближая и сопоставляя всѣ существующія религіи, долженъ лишь содѣйствовать скорѣйшему осуществленію этого великаго дѣла. Не христіанство будетъ такою конечною и всемірною религіей, т. е. не то историческое христіанство, которое существовало доселѣ и существуетъ въ настоящее время, а въ христіанскомъ идеалѣ и въ христіанскихъ писаніяхъ содержатся только элементы этой будущей міровой религіи. Она еще имѣетъ обнаружиться въ будущемъ и совмѣститъ въ себѣ все то, что только есть истиннаго во всѣхъ религіяхъ. Это и есть то „искомое“, тотъ бѣлый лучъ чистой истины, въ который должны снова соединиться всѣ разноцвѣтные лучи, образовавшіеся чрезъ преломленіе въ призмѣ человѣческаго воспріятія и выражающіе въ различныхъ религіяхъ истину въ измѣненномъ видѣ.

Понимая такъ религіозную задачу Чикагскаго парламента, мы видимъ въ немъ яркое знаменіе времени, отголосокъ и выраженіе того направленія, которое, къ великому прискорбію, часто весьма сильно даетъ себя замѣтить въ современномъ западно-христіанскомъ мірѣ. Въ послѣднее время очень много явилось такихъ людей, которые стараются придать исповѣдуемой ими христіанской религіи какъ можно болѣе широкій и неопредѣленный видъ, сближая ее такимъ образомъ съ другими религіями и отвергая ее отличительныя,

существенные догматы, какъ нѣчто совершенно излишнее и только вносящее напрасную рознь въ жизнь человѣчества. Иностранныя газеты приводятъ множество разнаго рода фактовъ, свидѣтельствующихъ о быстромъ ростѣ этого печальнаго явленія современной религіозной жизни. Представители западной богословской науки и даже сами протестантскіе пасторы часто оказываются христіанами только по имени. Виртембергскіе граждане напр. подали недавно своему королю прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, писали, что „богословская наука въ лицѣ многихъ своихъ представителей принимаетъ направленіе, все больше и больше отклоняющееся отъ основоположеній нашей церкви. Истины: о вѣчномъ сыновствѣ І. Христа, о Его умилоостивительной жертвѣ чрезъ крестную смерть, о Его воскресеніи и вознесеніи на небо или отрицаются... или подрываются. Св. Писаніе, признаваемое нашею церковію какъ Слово Божіе, которому принадлежитъ безусловный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, все чаще и чаще разсматривается какъ обыкновенное человѣческое произведеніе, и въ отношеніи къ нему современная наука можетъ будто-бы и даже должна стать критически“. У всѣхъ также на памяти, какія удивительныя вещи высказывались и защищались протестантскими богословами Германіи въ эпоху недавняго горячаго спора по поводу апостольскаго символа ¹⁾ Въ Карльеруэ пасторъ Лэнгинъ произнесъ въ мѣстной ратушѣ возмутительную по своимъ противохристіанскимъ воззрѣніямъ рѣчь, въ которой между прочимъ, заявлялъ, что „церковь не имѣетъ права говорить о божествѣ Іисуса въ реальномъ смыслѣ этого слова“, что со стороны ея злоупотребленіе — выдвигать божество Іисуса на первый планъ, и затѣмъ опровергать чудесность событій, которыя, по свидѣтельству евангелія, совершились во время рождества Христова. Въ Бременѣ былъ нѣкій докторъ богословія, М. Швальбъ, который проповѣдывалъ самое радикальное ученіе во вкусѣ жидовской ереси и позволялъ себѣ самыя кощунственныя выходки противъ христіанства и его Божественнаго Основателя. По отзыву нѣмецкой газеты, онъ былъ настоящій лжеучитель

¹⁾ Очеркъ этого знаменательнаго спора см. въ статьѣ проф. А. П. Лебедева. Бог. Вѣст. 1893. Ноябрь и Декабрь.

и „покончилъ съ христіанствомъ начисто“, а между тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ занималъ въ своемъ городѣ церковную кафедру. На ряду съ этими прямо про-
 тохристіанскими воззрѣніями выступаетъ въ протестантизмѣ болѣе скромная тенденція сгладить и уничтожить лишь вѣроисповѣдныя разности и, придавъ такимъ образомъ нѣ-
 мецкому христіанству болѣе широкую и неопредѣленную форму, объединить въ ней все существующія нынѣ раз-
 вѣтвленія протестантизма. Такую идею высказывалъ, между прочимъ, Лейшнеръ въ своемъ рефератѣ на собраніи „Евангелическаго союза“ въ Шпейерѣ, въ августѣ 1893 г. Онъ доказывалъ, что, въ видахъ религіознаго объединенія, не-
 обходимо произвести нѣкоторое уравниеніе протестантскаго вѣроученія съ другими исповѣданіями, т. е. необходимо сгладить его особенности и сдѣлать нѣкоторыя уступки. Идя все далѣе и далѣе по этому опасному пути сглажи-
 ванія и расширенія, люди христіанскаго общества доходятъ иногда не только до отрицанія вѣроисповѣдныхъ разностей, но и всякихъ догматовъ и всякой религіи. Такого рода при-
 мѣромъ можетъ служить „международное общество этиче-
 ской культуры“, имѣющее уже многихъ послѣдователей въ Европѣ и Америкѣ и поставляющее свою задачей способ-
 ствовать нравственному усовершенствованію человѣка не-
 зависимо ни отъ какихъ религіозныхъ вѣрованій и націо-
 нальныхъ предубѣжденій. Законы нравственности, по мысли этого общества, имѣютъ свой источникъ въ человѣческомъ разумѣ; этотъ разумъ для нихъ—автономный законодатель, а потому мораль, нравственность не нуждается въ Богѣ,—
 напротивъ, нравственность, руководимая вѣрою въ Бога и вытекающая изъ нея, унижаетъ человѣка, потому что ставитъ его въ зависимость отъ чуждыхъ ему законодателей. Един-
 ственно-допускаемая этимъ обществомъ религія,—это „ре-
 лигія практическаго разума на основѣ точныхъ наукъ“. Въ то самое время, когда въ Чикаго засѣдалъ парламентъ религіи, въ протестантскомъ Берлинѣ община людей, не признающихъ никакой религіи (Freireligiosen), совершала торжественное „посвященіе юношества“ въ число своихъ членовъ, при чемъ д-ръ Вилле произнесъ рѣчь, въ кото-
 рой развивалъ положенія современнаго невѣрія. Затѣмъ каж-
 дый изъ посвященныхъ произнесъ стихотвореніе антирели-

гіознаго содержанія и получилъ въ подарокъ такого-же рода книжку. Благодаря развивающемуся все болѣе и болѣе стремленію къ такъ называемому „расширенію“ христіанства, т. е. къ сглаживанію и отрицанію его, часто основныхъ, догматовъ, многіе только называются христіанами, а въ сущности ихъ религія сводится къ широкому безразличію или даже совсѣмъ отсутствуетъ. Отсюда оказывается возможною въ христіанскомъ обществѣ даже пропаганда другихъ религій. Ни для кого теперь не тайна напр. что въ самыхъ многочисленныхъ и цвѣтущихъ центрахъ западно-христіанской цивилизаціи, каковы Парижъ, Лондонъ и Нью-Йоркъ въ послѣднее время съ значительнымъ успѣхомъ распространяется буддизмъ, находя себѣ послѣдователей въ высшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ классахъ общества, а недавно основанная мусульманская газета, издаваемая на англійскомъ языкѣ въ Нью-Йоркѣ, откровенно заявляетъ, что Соединенные Штаты представляютъ собою превосходную почву для распространенія ислама. Въ современномъ Парижѣ, въ числѣ описываемыхъ Юліемъ Буа такъ называемыхъ „малыхъ религій“ существуютъ, оказывается, и гностики, и ессеи, и люциферіане, и послѣдователи культа Изиды, и поклонники Юпитера, Меркурія и Минервы. Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ иногда распространившееся на современномъ западѣ рационалистическое отношеніе къ христіанству, критика его догматовъ и отрицаніе ихъ обязательнаго значенія. „Сглаживаніе“ и „расширеніе“ доходитъ до того, что христіане остаются такими только по имени, или утрачиваютъ даже и самое имя.

Чикагскій религіозный парламентъ въ своемъ стремленіи къ „объединенію“ и „соглашенію“ всѣхъ религій является въ значительной степени выраженіемъ того-же „сглаживанія“ и „расширенія“, которое ознаменовало себя столь многими прискорбными послѣдствіями на современномъ христіанскомъ западѣ. Въ иностранной церковной жизни за послѣднее время не рѣдко встрѣчаются факты, съ достаточною ясностію свидѣтельствующіе о томъ, что и этотъ парламентъ съ своей стороны не мало содѣйствовалъ еще большому усиленію того-же, указаннаго нами направленія. Протестантскіе проповѣдники, возвратившись съ парламентскихъ

засѣданій, смѣло стали распространять усвоенныя тамъ воззрѣнія. Англиканецъ д-ръ Момери, ораторствовавшій въ парламентѣ, провозглашаетъ напр: что христіанскій священникъ имѣетъ полное право отрицать тотъ или другой изъ догматовъ церкви, лишь бы только „въ общемъ и онъ согласовался съ ея ученіемъ. Другіе, конечно не замедлили приложить эту теорію и къ дѣлу. Американскій пасторъ, д-ръ Ричардсъ, изъ Провиденса, заявляетъ, что Свящ. Писаніе боговдохновенно не болѣе, чѣмъ и произведенія современныхъ поэтовъ и писателей. Иисусъ Христосъ, по словамъ этого, яко-бы христіанскаго проповѣдника, былъ только простымъ человѣкомъ и Его заповѣди будто-бы нуждаются въ пересмотрѣ, чтобы быть приспособленными къ воззрѣніямъ и потребностямъ нашего времени. Другой подобный-же вѣроучитель, унитаріанскій пасторъ, съ своей церковной кафедрой проповѣдуетъ, что „если-бы Иисусъ Христосъ жилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, Онъ, быть можетъ о многихъ предметахъ думалъ-бы иначе“. Подъ вліяніемъ Чикагскихъ рѣчей о томъ, что всѣ религіи истинны, христіанскіе пастыри Америки и на проповѣдниковъ другихъ религій стали смѣтрѣть, какъ на своихъ собратій и сотрудниковъ въ единомъ общемъ дѣлѣ. Одинъ изъ унитаріанскихъ проповѣдниковъ въ Давенпортѣ предоставилъ пользоваться своєю церковною кафедрой для проповѣди и іудейскимъ раввинамъ и даже язычнику Нагаркару, одному изъ видныхъ членовъ Чикагскаго парламента, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ представителя брамаизма-сомаджи и особенно ратовалъ за „согласованіе религій“. Вскорѣ послѣ закрытія парламента обнаружались и попытки къ практическому осуществленію въ той или другой формѣ такого согласованія. Въ Америкѣ возникло движеніе, направленное къ тому, чтобы основать такъ называемую „универсальную церковь“, т. е. такую, которая была-бы въ состояніи совмѣстить въ себѣ и объединить представителей всѣхъ существующихъ религій. Воззваніе, приглашающее къ осуществленію этого предпріятія, подписано прежде всего Чикагскимъ раввиномъ Гиршемъ, который какъ мы видѣли, былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей религіознаго парламента. Ближайшими сотрудниками его въ настоящемъ случаѣ являются: унитаріанскій пасторъ въ Чикаго

м. Джонсъ, проповѣдникъ Чикагской же „народной“ церкви м. Томасъ и еще одинъ проповѣдникъ-универсалистъ изъ Нью-Джерси. „Храмъ этой универсальной религіи, по словамъ воззванія, долженъ быть воздвигнутъ на широкомъ основаніи гуманности и посвященъ испытующему духу прогресса и споспѣшествующей любви“. — Другую попытку такого-же рода мы видимъ въ западной Европѣ. Мѣсяца черезъ два послѣ Чикагскаго парламента въ Лейпцигѣ появилось воззваніе нѣкогого доктора Евгенія Шмидта, обращенное „ко всѣмъ друзьямъ истины и человѣчества“ и приглашающее „къ основанію международнаго союза религіи духа“. „Мы очень хорошо знаемъ, гласить это воззваніе, что благородно-мыслящіе люди, какъ высоко такъ и низко поставленныя духовныя и свѣтскія лица, не иначе какъ съ отвращеніемъ сносятъ недостойное иго отжившихъ формулъ вѣры и съ тоской дожидаются того дня, когда истина, наконецъ, осмѣлится выглянуть на свѣтъ“... „Мы желаемъ основать международный союзъ религіи духа безъ всякихъ ограниченій какими-либо догматами. Мы признаемъ божественный смыслъ всѣхъ священныя писаній, прежде всего Евангелія и вообще Библии, а затѣмъ священной литературы индусовъ, персовъ и другихъ культурныхъ народовъ. Божественное откровеніе мы видимъ во всѣхъ великихъ произведеніяхъ литературы и искусства. Мы не хотимъ, чтобы кто-либо оставлялъ свое вѣроисповѣданіе, потому что основываемый нами союзъ религіи духа не есть новая секта. То, что мы проповѣдуемъ, есть только религія духа и истины, есть внутренняя сторона всякаго сердца и всякаго духа, раскрытіе таинственной стороны всякой религіи. Наше божество есть солнце духовное и первобытіе, которое, скрываясь въ отдѣльныхъ частяхъ бытія, обнаруживается вѣчно во всемъ своемъ неописуемомъ величіи. Наше божество не есть владыка этого міра, господствующій произвольно; оно есть свобода всѣхъ, любовь ко всякому, господствующая надъ всѣмъ. Оно и есть именно тотъ Богъ Израилевъ, который обитаетъ и дѣйствуетъ среди людей; то безграничное состраданіе, съ которымъ Будда сошелъ во всѣ существа; тотъ чистый свѣтъ рая, который выступалъ предъ очами Магомета; та тайна внутренняго небеснаго царства, которую, по представленію Евангелія, Христосъ раскрылъ

наединѣ апостоламъ и которую мы въ настоящее время объявляемъ міру во всемъ ея чистомъ блескѣ; оно есть внутренній Христосъ, просвѣщающій всякаго человѣка“... и т. д... Протестантскіе органы печати прямо признаютъ эти и подобныя имъ явленія отголосками того, что происходило на религиозномъ парламентѣ въ Чикаго. „Этотъ парламентъ, по ихъ словамъ, содѣйствовалъ ослабленію тѣхъ границъ, которыя отдѣляютъ различныя религіи одну отъ другой, и пошелъ на встрѣчу нивелирующему духу времени, стремящемуся къ тому, чтобы лишить религію ея догматическаго содержанія и свести на общее религиозное чувство и условную мораль“.

Если такъ, то въ религиозномъ отношеніи Чикагскій парламентъ нужно, слѣдовательно, признать явленіемъ печальнымъ, такимъ предпріятіемъ, которое могло причинить христіанству и причинило существенный вредъ? Организаторы и дѣятели парламента однако отнюдь не желаютъ согласиться съ такимъ заключеніемъ. По ихъ воззрѣнію совершенно напротивъ,—это собраніе должно было быть и было для христіанства великимъ торжествомъ. М. Барроусъ на первомъ засѣданіи, обращаясь съ вопросомъ къ представителямъ не-христіанскихъ религій, какъ мы видѣли, говорилъ: „потерпѣло-ли христіанство что-либо въ вашихъ глазахъ, созвавши этотъ парламентъ религій? Думаете-ли вы, что его благотворная дѣятельность въ мірѣ хотя сколько нибудь отъ того уменьшилась? Напротивъ, вы согласитесь съ большинствомъ христіанскихъ ученыхъ Америки, что христіанство можетъ гордиться этимъ конгрессомъ религій и выставлять его какъ свѣточъ истины и любви, который можетъ стать утреннею звѣздою двадцатаго столѣтія“. При закрытіи парламента христіанскій епископъ Арнеттъ говорилъ: „христіанство ни мало не потеряло отъ бывшаго въ парламентѣ обсужденія или сравненія, но стоитъ теперь въ такомъ свѣтѣ, какой не вѣдомъ былъ въ прежнее время. То, что было предложено различными учителями религіи и философіи, не отмѣнило десяти заповѣдей, нагорной продовѣди и заповѣдей блаженства. Наши ученія и теперь столь-же высоки и чисты, какъ были и до настоящаго собранія и каждый мужчина и каждая женщина только укрѣпились въ той вѣрѣ, которая нѣкогда была завѣщана святымъ“.

Въ послѣдней главѣ отчета, подводя итоги совершившемуся событію, его организаторы не думаютъ измѣнять своего первоначальнаго взгляда въ этомъ отношеніи и стараются указать въ частности все то, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключалась великая польза парламента для христіанства и выразилось на немъ его торжество. Прежде всего, по ихъ словамъ, этотъ парламентъ съ особенною силою возбудилъ въ людяхъ далекаго востока глубокій интересъ къ христіанству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ имъ возможность, слушая его лучшихъ представителей и проповѣдниковъ, получить о немъ ясное и правильное понятіе, вполне соответствующее дѣйствительности. „Христіанскій духъ господствовалъ въ парламентѣ съ его начала до конца. Молитва Господня употреблялась ежедневно. Имя Христа произносилось всегда съ уваженіемъ. Не было сказано о Немъ ни одного слова непочтительной критики. Ученіе Его проповѣдывалось цѣлою сотнею христіанскихъ ораторовъ и произносилось даже не-христіанскими устами“. Впечатлѣніе этой проповѣди на слушателей было, говорятъ, въ высшей степени благопріятное. Никогда еще доселѣ христіанству не представлялось столь блестящаго случая раскрыть истинную сущность своего вѣроученія и если-бы даже сказано было въ парламентѣ гораздо меньше, чѣмъ сколько это сдѣлано было въ дѣйствительности, и тогда, это было-бы вполне достаточнымъ оправданіемъ его созванія. По силѣ общаго интереса и энтузіазма лучшими моментами парламента были именно тѣ, когда краснорѣчиво проповѣдывались въ немъ величайшія истины христіанства. Съ увѣренностію можно сказать, что проповѣдь о Христѣ никогда не была дѣйствительна такъ, какъ это было въ то время, когда въ парламентѣ епископъ Додлей и др. возвѣщали евангеліе всѣмъ народамъ. Эта проповѣдь была для христіанства торжествомъ. Истины другихъ религій при сопоставленіи съ высочайшими истинами христіанства ясно обнаруживали свою недостаточность, а истина религіи Христовой раскрылась во всей полнотѣ и обнаружилась во всѣмъ своемъ блескѣ. Такъ было дѣло, таковы были результаты религіознаго парламента по изображенію его устроителей, но близко знакомый со всѣмъ ходомъ парламентскихъ засѣданій едва-ли согласится признать такое изображеніе вполне соответствующимъ дѣй-

ствительности. Представители языческаго востока на собраніяхъ смѣло и рѣзко говорили о христіанствѣ много такого, что далеко не могло способствовать его торжеству и прославленію. Ихъ неблагосклонная критика касалась и жизни христіанъ и догматовъ христіанскаго вѣроученія. Всего болѣе подвергалась осужденію дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ на востокѣ. Въ засѣданіи 22-го Сентября цейлонскій буддистъ Дарманала говорилъ: „уже девятнадцать столѣтій христіанство у васъ въ Европѣ, но только въ послѣдніе три вѣка стали дѣлать попытки къ его распространенію на востокѣ и съ неудачными результатами. Если христіанство желаетъ имѣть успѣхъ на востокѣ, планъ вашихъ дѣйствій долженъ быть совершенно измѣненъ. Вы должны посылать туда людей полныхъ безкорыстія. Они должны быть проникнуты духомъ самопожертвованія, духомъ любви и терпимости. Кроткія, смиренныя и любвеобильныя ученія Христа намъ нужны; но не потому что такихъ учений нѣтъ у насъ теперь, а потому, что мы желали-бы имѣть ихъ еще болѣе. Миссіонеры, посылаемые на Цейлонъ, въ Китай или Бирму, почти всегда не обладаютъ той терпимостью, которая для насъ потребна. Миссіонеръ и нетерпимъ и эгоистиченъ. Почему туземцы не хотятъ имѣть съ нимъ дѣла? Именно потому, что нѣтъ въ немъ должной терпимости и безкорыстія. Кого онъ обращаетъ? Только лишь людей низкаго уровня. Видя эгоизмъ и нетерпимость миссіонера, ни одинъ интеллигентный человекъ не приметъ христіанства. Буддизмъ имѣлъ своихъ миссіонеровъ прежде, чѣмъ началась проповѣдь христіанства; онъ покорилъ всю Азію и укротилъ монголовъ, но вліяніе западной цивилизаціи уничтожило его дѣло“.... „Предупреждаю васъ, что, если вы хотите утвердить христіанство на востокѣ, это можетъ быть сдѣлано лишь на началахъ христіанской любви и кротости. Пусть миссіонеры изучаютъ всѣ религіи, пусть они будутъ образцомъ кротости и смиренія и тогда ихъ будутъ встрѣчать радушно во всѣхъ странахъ“. — Дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ, по изображенію людей востока, большею частію отличается ревностію, совершенно излишнею и неблагоразумною. „Ваши миссіонеры, говорилъ мадрасскій браминъ Нарасима, въ своемъ иконоборческомъ рвеніи нападаютъ и на тѣ изъ нашихъ предразсудковъ,

которые совѣмъ нѣтъ нужды считать противными христіанству. Смѣшеніе кастъ напр. для обращеннаго индуса предписывается какъ необходимый членъ вѣры, но по собственному опыту скажу вамъ, что въ насъ это возбуждаетъ физическое отвращеніе. Есть у браминовъ и другой обычай, еще глубже утвердившійся и еще болѣе трудно искоренимый. Я разумѣю ихъ преубѣжденіе противъ животной пищи. Пока христіане какъ будто заставляютъ народъ вѣрить, что употребленіе животной пищи есть необходимый приготовительный шагъ къ крещенію, до тѣхъ поръ это всегда будетъ камнемъ преткновенія при распространеніи Евангелія въ Индію“. Проповѣдь христіанства на востокъ, идущая объ руку съ распространеніемъ тамъ европейской цивилизаціи и часто европейскаго господства, по мнѣнію людей востока нерѣдко приноситъ только зло. „Уже и сама по себѣ“, по словамъ Парасимы, „та религія, которую побѣждающая нація въ напыщенномъ сознаніи своего превосходства снисходительно предлагаетъ побѣжденной, какъ-бы ни была она хороша, должна возбуждать отвращеніе у принимающихъ“. „Наши друзья, послѣдователи брамаизма—сомаджи, изображали вамъ христіанство стоящимъ съ библіей въ одной рукѣ и съ волшебнымъ жезломъ цивилизаціи—въ другой. Но есть тамъ и другая сторона, — когда богиня цивилизаціи съ бутылкой рома въ рукѣ. О если-бы нога англичанъ никогда не была въ Индію! О если-бы никогда не видали мы ни одного европейскаго лица! О лучше было-бы намъ никогда не пробовать горькихъ сладостей вашей цивилизаціи, чѣмъ сдѣлаться отъ нея народомъ пьяницъ и скотовъ!“—Къ добрымъ чувствамъ и настроенію исповѣдниковъ христіанства люди востока выражаютъ явное недовѣріе. Въ собраніи 20 сентября Суами Вивекананда говорилъ: „вы, христіане, очень любите посылать миссіонеровъ, чтобы спасти души язычниковъ, но почему вы не попытаетесь спасти отъ голода ихъ тѣла? Въ Индію во время страшнаго голода, тысячи умирали голодною смертію, однако вы, христіане, не сдѣлали ничего. По всей Индіи вы воздвигаете храмы, но вопіющая нужда востока не въ религии, — религіи тамъ достаточно; — страждущіе милліоны населенія жгучей Индіи пересохшими устами умоляютъ васъ о хлѣбѣ. Они просятъ у васъ хлѣба, а вы даете имъ

камни. Не оскорбленіе-ли голодающему народу предлагать религію? Не обидѣ-ли голоднаго человѣка поучать метафизикъ?... Я пришелъ сюда просить помощи для моего обѣднѣвшаго народа и вполнѣ убѣдился въ томъ, какъ трудно добиться этой помощи для язычниковъ отъ христіанъ и въ христіанской странѣ“.—Нельзя сказать, чтобы и къ догматамъ христіанства языческіе представители парламента относились съ особеннымъ преклоненіемъ. Вотъ что говорилъ напр. Нарасима: „между вашимъ характеромъ и нашимъ есть различіе. Мы воспитаны столь отлично отъ васъ, что вещи, производящія на васъ впечатлѣніе, на насъ его не производятъ. Тѣ притчи, въ которыхъ вы видите столько красотъ, тѣ изреченія и дѣйствія Спасителя, которыя кажутся вамъ вседовлѣющимъ руководствомъ жизни, мало того—даже вѣра ваша въ необходимость страждущаго ходатая — Спасителя, составляющая краеугольный камень вашей религіи, все это для насъ одни слова. Они не производятъ никакого впечатлѣнія, не убѣждаютъ“... „Характеръ индуса представляетъ собою странное и непонятное смѣшеніе. Не знаю почему, но религія за религіей терпѣли въ Индіи неудачу. И въ настоящее время различныя новыя религіи, какъ брамо-сомаджи, аріа-сомаджи и разныя другія общества, не очень много имѣютъ послѣдователей. Такимъ образомъ вы видите, что даже и тѣ религіи, которыя возникаютъ въ ихъ собственной средѣ, не встрѣчаютъ въ индусахъ энтузіазма. Не удивительно если религія, подобная христіанству, религія чужеземцевъ, содержащая въ себѣ идеи то новыя, то странныя, то совсѣмъ противныя нашимъ предвзятымъ понятіямъ, встрѣчаетъ такъ мало расположенія“.—Языческіе ораторы отнюдь не хотѣли признать за христіанствомъ какого-либо превосходства. „Пожелаю-ли я, говорилъ Вивекананда, чтобы индусъ или буддистъ сталъ христіаниномъ? Боже сохрани!... Если кто-либо мечтаетъ объ исключительной жизненности только своей собственной религіи и объ уничтоженіи прочихъ, я жалѣю его отъ глубины своего сердца“. Въ отвѣтъ на подобныя мечтанія онъ не безъ ироніи рассказываетъ парламенту такую басню: „Жила—была въ одномъ колодецѣ лягушка... Въ этотъ колодезь попала однажды другая лягушка, жившая въ морѣ. „Откуда ты?“—„Я изъ моря“. — „Изъ

моря? А велико оно? Будетъ съ мой колодезь?“ и лягушка сдѣлала прыжокъ съ одного конца колодца до другаго. „Другъ мой“, сказала ей лягушка морская, „какъ ты можешь сравнивать море съ своимъ маленькимъ колодцемъ?“ Тогда лягушка сдѣлала второй прыжокъ и спросила: „неужели ваше море такъ-же велико?“ — „Какія глупости говоришь ты, сравниваешь море съ своимъ колодцемъ!“ — „Нѣтъ и быть не можетъ ничего больше моего колодца“, рѣшила лягушка, „этотъ лгунъ все вретъ, гоните его вонъ!“ — Христіанскому проповѣднику на Чикагскомъ парламентѣ, доказывавшему превосходство своей религіи, ясно такимъ образомъ давалось понять, что представитель языческаго востока смотритъ на него въ этомъ случаѣ только какъ на лягушку, не знающую ничего больше своего колодца. Едва-ли, думается намъ, можно утверждать, что собраніе, въ которомъ звучали такія рѣчи, особенно содѣйствовало торжеству и прославленію христіанства. Нужно еще замѣтить, что, по установленному въ парламентѣ порядку, никакія пренія не допускались, а потому что-бы ни говорилось, все выслушивалось молча и оставалось безъ возраженій. Благодаря такой постановкѣ дѣла, языческіе ораторы имѣли полную возможность смѣло и безпрепятственно развивать свои враждебные взгляды на христіанство и не замедлили этимъ случаемъ воспользоваться; а христіане вынуждены были оставаться лишь безмолвными свидѣтелями своего униженія. Не трудно себѣ представить, какое подъ-часъ удручающее впечатлѣніе должны были въ этомъ случаѣ вынести христіанскіе слушатели изъ парламентскихъ собраній. Не даромъ одинъ пуританскій священникъ въ Бостонѣ, возвратившись изъ Чикаго, въ своей церковной проповѣди говорилъ, что намъ слѣдуетъ перестать посылать своихъ миссіонеровъ въ Индію и Китай, такъ какъ эти азіаты знаютъ объ истинной религіи гораздо больше, чѣмъ мы сами. Выслушанные имъ нападки языческихъ ораторовъ на христіанство и ихъ суровыя порицанія христіанскихъ миссіонеровъ очевидно успѣли произвести на него свое дѣйствіе. Сами устроители и главные дѣятели парламента сознаются, что не мало горькихъ словъ было высказано на немъ относительно христіанства; они стараются утѣшить себя лишь тѣмъ, что выслушанная ими критика, всякіе

упреки и порицанія, касались не ученія, а жизни и самимъ-же христіанамъ должны послужить въ будущемъ, какъ добрый урокъ, на пользу и исправленіе. Въ такомъ именно смыслѣ говорилъ напр., какъ мы видѣли, еп. Арнеттъ при закрытіи парламента: „это собраніе научило насъ, что хотя мы имѣемъ на своей сторонѣ истину, но не всю. Мы обладаемъ истиной въ теоріи, но на практикѣ не совсѣмъ. Строгая критика, которой мы подверглись, касалась не ученій нашихъ, а нашей дѣятельности, которая не находится въ согласіи съ нашей же проповѣдью и съ нашими-же ученіями“. Хотя-бы это была и правда, во всякомъ случаѣ та неблагоклонная критика, которой языческіе ораторы парламента подвергали христіанство, не могла способствовать его торжеству и прославленію и въ общемъ впечатлѣніи на слушателей приносила ему не пользу, а только вредъ.

Смѣлою критикой со стороны языческихъ ораторовъ не ограничился еще впрочемъ тотъ вредъ, который причиненъ былъ христіанству Чикагскимъ парламентомъ; въ его многочисленныхъ, эффектныхъ и шумныхъ собраніяхъ была еще другая сторона, гораздо болѣе опасная и сопровождавшаяся для христіанства еще болѣе тяжелыми послѣдствіями. Устроители парламента говорятъ, что христіанству никогда не представлялось столь счастливаго случая къ блестящему раскрытію своихъ ученій и Чикагская эстрада такимъ образомъ оказала и въ миссіонерскомъ отношеніи великую услугу. Не споримъ и искренно желаемъ, чтобы пламенные рѣчи многихъ христіанскихъ ораторовъ запали въ душу ихъ иновѣрныхъ слушателей. Но Чикагская эстрада одновременно служила миссіонерскимъ цѣлямъ не христіанства только, но и всѣхъ другихъ религій. Каждый ораторъ безпрепятственно выступалъ здѣсь на защиту своихъ собственныхъ убѣжденій, раскрывалъ и восхвалялъ достоинства той религіи, которой самъ былъ представителемъ. Мозумдаръ выступалъ защитникомъ брамаизма—сомаджи, Исаакъ Уайзъ—іудейства, Ятсубучи—буддизма, Д'Виведи—индуизма, Пунгъ-Куангъ-Ю—конфуціанства, Шибата—шинтоизма и т. д. Многіе изъ нихъ даже прямо проводили параллель своей религіи съ христіанствомъ и конечно давали своимъ рѣчамъ извѣстное, вполне естественное съ ихъ стороны, освѣщеніе. Нужно сознаться, что нѣкоторые изъ этихъ орато-

ровъ заявили себя весьма глубокомысленными, талантливыми, краснорѣчивыми и блестящими защитниками своихъ воззрѣній, а потому ихъ рѣчи, какъ Мозумдара или Вивекананды напр., имѣли въ парламентѣ большой успѣхъ и, конечно, должны были произвести на слушателей сильное впечатлѣніе. Нашлись даже и такіе ораторы, которые нѣкогда именовались христіанами, а теперь торжественно выступали въ качествѣ ренегатовъ и проповѣдывали свою новую религію. Таковъ былъ ораторствовавшій на собраніяхъ 20-го и 21-го сентября м. Узббъ, американецъ, обратившійся въ магометанство. Его рѣчи были убѣжденнымъ панегирикомъ исламу. Личность Магомета и основанная имъ религія, по словамъ оратора, не цѣнятся должнымъ образомъ только потому, что они не поняты, что въ христіанской литературѣ они изображаются въ искаженномъ видѣ. Ни религіознаго фанатизма, ни чувственнаго рая, ни фатализма, ни униженія женщины Магометъ на самомъ дѣлѣ не проповѣдывалъ. Все это клевета и идеи мусульманскаго пророка отличаются въ сущности необычайною высотой и чистотою. Ораторъ безцеремонно заявлялъ, что онъ гордится своимъ переходомъ въ исламъ, что всякій, кто пойметъ эту религію, долженъ сдѣлать то-же самое и что именно исламъ долженъ стать всеобщою и конечною религіею всего міра. Правда, первая рѣчь м. Узбба неоднократно прерывалась шиканьемъ, свистками и негодующими криками слушателей, но, по единодушному свидѣтельству многихъ очевидцевъ, не возмущенное христіанское чувство проявилось въ этомъ негодованіи, а только общественная щепетильность, которая не хотѣла простить природному американцу такой рѣзкой измѣны традиціямъ своего общества ¹⁾.—Въ собраніи 12-го сентября на Чикагской эстрадѣ выступилъ даже проповѣдникъ явнаго невѣрія, — это былъ нѣкій Ганноверскій докторъ Адольфъ Бродбекъ. Въ своемъ рефератѣ онъ проповѣдывалъ новую религію подъ именемъ „идеализма“, главнымъ врагомъ котораго служатъ всякіе догматы. Люди этой новѣйшей религіи, по его словамъ, не должны признавать существованія личнаго Бога, ни воздавать кому-либо поклоненія какъ Богу; они не вѣрятъ ни

¹⁾ Макъ-Гаханъ. Письмо изъ Америки. „Сѣверный Вѣстникъ“ Декабрь. 1893 г.

въ безсмертіе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ небо, ни въ адъ, ни въ чистилище, ни въ какое-либо возмездіе въ жизни будущей; они не знаютъ, откуда мы произошли и куда идемъ и увѣрены, что со смертію прекращается всякое личное существованіе.—Вотъ какіе миссіонеры подвизались, между прочимъ, на Чикагской эстрадѣ! Правда, наряду съ ними ораторствовали и проповѣдники христіанства; но еще вопросъ, чему больше послужилъ Чикагскій парламентъ: торжеству-ли христіанства, или пропагандѣ язычества и распространенію „микробовъ ложныхъ религій“. Есть нѣкоторое основаніе думать, что въ религіозномъ отношеніи причиненный парламентомъ вредъ былъ значительнѣе пользы. Тысячами собиравшаяся въ институтѣ искусствъ толпа оставалась конечно толпою, со всѣми тѣми свойствами, которыя обычно ее характеризуютъ. Христіанскихъ проповѣдниковъ она и прежде видала и слыхала постоянно, а потому, какъ-бы ни были они краснорѣчивы, для нея они не представляли особеннаго интереса, такъ какъ не имѣли прелести новизны и оригинальности. Совѣмъ иное дѣло эти заморскіе люди далекаго востока; они были для толпы настоящими героями дня; все въ нихъ было ново и оригинально, все поражало и взглядъ и слухъ, все невольно приковывало къ нимъ общее вниманіе. Когда на парламентской эстрадѣ выступалъ какой-нибудь красавецъ—браминъ или бонза въ шелковой розовой тюникѣ, или въ какомъ-то желтомъ или зеленомъ халатѣ, съ оранжевымъ или бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ; когда изъ устъ этого живописнаго оратора лилась эффектная рѣчь, украшенная изысканными цвѣтами своеобразнаго восточнаго краснорѣчія; когда самые факты, имъ сообщавшіеся, и мысли, имъ раскрывавшіеся, для большинства были чѣмъ-то, извѣстнымъ дотолѣ лишь смутно и по наслышкѣ, или даже и совѣмъ невѣдомымъ, — понятно, этотъ ораторъ овладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ и царилъ надъ увлеченною толпою. Какъ-бы ни старался рядомъ съ такимъ индусомъ или японцемъ какой-нибудь протестантскій проповѣдникъ въ своемъ черномъ сюртукѣ или блузѣ, ему трудно было конкурировать съ интереснымъ соперникомъ; его внѣшность была слишкомъ зауядна, а то, что говорилъ онъ и какъ онъ говорилъ, всѣмъ было уже давно извѣстно. Вотъ почему никто

не пользовался въ парламентѣ такимъ шумнымъ успѣхомъ, какъ язычники востока; ихъ встрѣчали и провожали оглушительными рукоплесканіями, по окончаніи ихъ рѣчей имъ устроили восторженные оваціи, стоя на стульяхъ махали платками, дамы и мужчины взбирались на эстраду, тѣснились къ оратору, чтобы выразить ему свое сочувствіе, крѣпко жали ему руку и доходили даже до поцѣлуевъ. А эти-то вотъ увлекавшіе толпу ораторы критиковали христіанство и превозносили свой брамаизмъ или буддизмъ. Едва-ли можно думать, чтобы, при такомъ сопоставленіи, положеніе христіанства въ парламентѣ было особенно выгоднымъ. Сами организаторы предпріятія притомъ въ своемъ отчетѣ сознаются, что языческія религіи искусно выставлены были лишь съ „показной своей стороны“ и ихъ талантливые представители, нападая на христіанство, тщательно и ловко скрывали и замалчивали свои собственныя слабобы стороны. Нѣтъ конечно возможности опредѣлить размѣры тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какими сопровождался Чикагскій парламентъ въ религіозномъ отношеніи; но фактъ его печальнаго вліянія, фактъ - что онъ послужилъ могучимъ средствомъ для пропаганды ложныхъ религій, не можетъ подлежать сомнѣнію. Разительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить одно событіе, во очію всѣхъ торжественно совершившееся на самой парламентской эстрадѣ. Одинъ американецъ, мистеръ Страуссъ, еврейскаго происхожденія, во время парламентскаго засѣданія публично присоединился къ буддійской религіи и на санскритскомъ языкѣ произнесъ установленную для этого присягу. Торжественное посвященіе новообращеннаго, по настоящему буддійскому обряду, совершено было на самой эстрадѣ залы Колумба. „Въ публикѣ при этомъ случаѣ не только не возникло никакихъ протестовъ, но театральная обстановка сцены, съ настоящимъ священподѣйствующимъ браминомъ, возбудила даже громкія выраженія восторга; публика себя чувствовала какъ въ театрѣ“. Это происшествіе представляется намъ до такой степени страннымъ, что рассказъ о немъ мы охотно признали-бы вымысломъ, если бы горькая дѣйствительность не подтверждалась авторитетнымъ свидѣтельствомъ очевидцевъ ¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ оффиціально-

¹⁾ Макъ-Гаханъ. Письмо изъ Америки въ Сѣверномъ Вѣстникѣ а также

отчетѣ не упоминается объ этомъ ни единымъ словомъ. Вѣроятно и самимъ организаторомъ парламента фактъ этотъ казался слишкомъ громкимъ, чтобы прямо выставлять его во всеобщее свѣдѣніе. Послѣдствія Чикагскаго парламента въ смыслѣ пропаганды ложныхъ религій продолжали обнаруживаться и послѣ его закрытія. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Суами Вивекананда выступилъ съ цѣлымъ рядомъ публичныхъ лекцій въ прославленіе индусскаго брамаизма, какъ религіи, стоящей-де выше христіанства, чѣмъ произвелъ въ Америкѣ не малое смущеніе; а христіаскій ренегатъ м. Узббъ публично-проповѣдуетъ теперь исламъ и устрояетъ большія религиозныя собранія въ городскихъ общественныхъ залахъ. Мало того, онъ основалъ въ Нью-Йоркѣ магометанскую общину и даже ввелъ, по мусульманскому обычаю, способъ созыванія молящихся посредствомъ громкаго призыва человѣческимъ голосомъ, хотя и не съ минарета, котораго еще не имѣется, а просто изъ окна своей молельни. Въ виду всего сказаннаго, мы, кажется, въ правѣ придти къ тому заключенію, что въ религиозномъ отношеніи Чикагскій парламентъ принесъ христіанству гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, и никакъ не можетъ быть признанъ могучимъ средствомъ къ его торжеству и прославленію.

Болѣе благопріятнымъ будетъ нашъ выводъ, если мы попытаемся произвести оцѣнку разсматриваемаго явленія со стороны его нравственнаго вліянія.

Въ обнародованной комитетомъ программѣ задачею парламента, между прочимъ, поставлялось: „возбудить и усилить между представителями различныхъ религій духъ человѣческаго братства при помощи дружественнаго совѣщанія и взаимообщенія“... „привести народы вселенной къ болѣе дружественному общенію, въ надеждѣ обезпечить такимъ образомъ постоянный международный миръ“. Въ этомъ отношеніи парламнтскіе дѣятели приписывали своему предпріятію великое значеніе. Не было почти ни одной рѣчи, гдѣ съ пламеннымъ увлеченіемъ не говорилось-бы объ общечеловѣческомъ братствѣ, гдѣ не воздавались-бы хвалы чи-

кагскому парламенту, какъ громадному шагу впередъ на пути къ осуществленію этого братства во вселенной. Религіозный парламентъ Чикаго „знаменуеть собою начало новой эпохи братства и мира“ (м. Боннэй); „на немъ впервые поднято знамя любви, общенія и братства (м. Барроусъ); „представители племень и религій міра, собираясь здѣсь вмѣстѣ, бесѣдуя и созерцая другъ друга, приобрѣтутъ въ концѣ концовъ искреннее взаимное уваженіе и сердечныя, братскія чувства дружбы“ (арх. Фиганъ); „мы стоимъ здѣсь подѣ однимъ общимъ знаменемъ любви, гуманности и милосердія“, „всѣ мы покинемъ это собраніе проникнутые большею любовію другъ къ другу“ (кард. Джиббонсъ); мы „собрались здѣсь представителями одного общаго вѣсѣмъ людямъ чувства, —сознанія, что всѣ люди братья“ (м. Гигинботэмъ); „ораторы всюду говорили о томъ, что всѣ люди братья, и ревностно возбуждали у своихъ слушателей братскія чувства любви ко всему человѣчеству“ (кн. Волконскій); „великое благо..., что послѣдователи разныхъ религій могутъ теперь дружественно собраться для обмѣна мыслей по важнѣйшимъ вопросамъ“ (Р. Шибата); „представители тѣхъ церквей и сектъ, которыя въ минувшіе вѣка ненавидѣли и проклинали другъ друга, сидѣли здѣсь на одной эстрадѣ, какъ братья“ (м. Момери); „ледяныя преграды религіозной вражды теперь растаяли подѣ лучами солнца любви“ (проф. Черьянцъ); „до настоящаго времени величайшая вражда существовала между религіями міра, а теперь вмѣсто борьбы другъ съ другомъ, онѣ сошлись вмѣстѣ для дружественнаго совѣщанія“ (принцъ Момолу); „колоколь, звучавшій въ честь настоящаго собранія, пробилъ смертный часъ всякому фанатизму, всякимъ гоненіямъ и мечомъ и перомъ, всякимъ непріязненнымъ чувствамъ между тѣми, кто идетъ хотя разными путями, но къ одной и той-же цѣли“ (Вивекананда); „отнынѣ религіи міра будутъ вести войну не другъ съ другомъ, а противъ тѣхъ исполинскихъ золь, которыми страдаетъ человѣчество“. „Отнынѣ пусть во всемъ мірѣ всѣ поклоняющіеся Богу и любящіе ближняго соединятся въ ангельскомъ славословіи: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ (м. Боннэй). — Что-же собственно сдѣлалъ Чикагскій парламентъ и въ чемъ его заслуга, что ему придаютъ такое великое

значеніе, расточаютъ столь обильныя хвалы? Не онъ, конечно, впервые провозгласилъ идею общечеловѣческаго братства. Что всѣ люди братья,—это мы знаемъ давно, и девизомъ самаго парламентскаго отчета поставлены слова еще ветхозавѣтнаго пророка: „не отецъ ли единъ всѣмъ намъ? Не Богъ-ли единъ созда насъ?“ Чикагскій парламентъ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакого открытія; онъ только показалъ, что въ настоящее время потеряла свою силу и даже совсѣмъ почти уничтожилась одна изъ могучихъ преградъ, препятствовавшихъ прежде дружественному, братскому общенію людей между собою, а именно—религіозная вражда. Онъ показалъ, что давно прошла та пора, когда изъ-за религіозныхъ разногласій проливались потоки крови. Онъ созвалъ теперь для спокойной бесѣды о предметахъ вѣры, собралъ и мирно посадилъ рядомъ такихъ людей, которыя въ былыя времена сходились и могли сойтись лишь для ожесточеннаго спора, или смертельной битвы. Не парламентъ, конечно, создалъ такое положеніе дѣлъ; напротивъ, самъ онъ явился лишь его результатомъ. Было время, когда никакимъ Боннэямъ и Барроусамъ не удалось-бы соединить въ мирной религіозной бесѣдѣ христіанина съ мусульманиномъ, или католика съ протестантомъ, а теперь, при настоящемъ уровнѣ развитія человѣчества, при современныхъ условіяхъ его обыденной жизни, представители различныхъ, прежде враждебныхъ другъ другу религій и исповѣданій, имѣютъ на всѣхъ концахъ міра такъ много точекъ соприкосновенія, такъ много животрепещущихъ общихъ интересовъ, стоятъ въ столь близкихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ, что прежнему узкому религіозному фанатизму уже не остается мѣста. Люди теперь такъ научились взаимно понимать и уважать другъ друга, что даже и о серьезныхъ религіозныхъ разногласіяхъ способны разсуждать спокойно безъ неизбѣжныхъ прежде обоюдныхъ оскорбленій. Чикагскій парламентъ и явился результатомъ и краснорѣчивымъ выраженіемъ этого современнаго фазиса общечеловѣческаго развитія. Онъ потому только и сталъ возможнымъ, что существуютъ теперь благоприятныя для него условія. Эта мысль высказана была и на самомъ парламентѣ. Въ рѣчи своей на первомъ торжественномъ засѣданіи мистрисъ Августа Чэпинъ, какъ мы

знаемъ, говорила: „всемирный парламентъ религій не могъ быть созданъ ранѣе настоящаго времени и не могъ собрать вмѣстѣ всѣхъ присутствующихъ здѣсь представителей религій. Нужно было дожидаться пока пробьется тотъ часъ, когда пароходы, желѣзныя дороги и телеграфы соединятъ людей другъ съ другомъ, разрушатъ всѣ, разъединившія ихъ дотолѣ, преграды и заставятъ ихъ узнать другъ друга; когда ученые проложатъ путь чрезъ непроходимую дичь невѣжества, суевѣрія и лжи и научатъ людей взаимному уваженію“... и т. д. Часъ этотъ наступилъ и парламентъ религій сталъ возможнымъ. Его значеніе прежде всего въ томъ именно и состоитъ, что онъ служить выраженіемъ, показателемъ, современнаго настроенія. Что прежде было невозможнымъ и невысказаннымъ, на немъ оказалось дѣйствительностію. Люди разныхъ религій мирно сидѣли на одной эстрадѣ, слушали взаимно со вниманіемъ и уваженіемъ, часто даже восторженно выражали другъ другу свое сочувствіе. Христіане и язычники единодушно склоняли свои головы при звукахъ общей молитвы къ единому Отцу всѣхъ— Богу, благоговѣнно принимали благословеніе и отъ христіанскаго епископа и отъ еврейскаго раввина. Правда, старинный духъ религіозной вражды изрѣдка прорывался и здѣсь, выражаясь въ жесткихъ отзывахъ, въ нападкахъ и упрекахъ; но подобные случаи были немногими исключеніями, а въ общемъ духъ миролюбія и терпимости былъ на собраніи несомнѣнно господствующимъ. Идея общечеловѣческаго братства постоянно была на устахъ всѣхъ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ ораторовъ, ясно свидѣтельствуя о томъ, что для фанатической религіозной ненависти дѣйствительно бьетъ уже смертный часъ.

Но этого мало. Чикагскій парламентъ не только самымъ фактомъ своего существованія свидѣтельствовалъ объ ослабленіи религіозной вражды въ современныхъ человѣческихъ обществахъ, но и употреблялъ съ своей стороны всѣ усилія къ ея конечному уничтоженію. Главный источникъ этой вражды дѣятеля парламента видѣли въ томъ, что соперничающія религіи слишкомъ мало знаютъ одна другую и, руководясь часто искаженными представленіями, смотрятъ другъ на друга съ совершенно неосновательнымъ предубѣжденіемъ. Теперь, когда на парламентскихъ собраніяхъ ре-

лигіи сошлись лицомъ къ лицу и устами своихъ представителей изобразили себя въ своемъ истинномъ видѣ, такимъ предубѣжденіямъ уже не должно быть и не будетъ мѣста. „Религіи міра, говорилъ м. Боннэй, въ высшей степени неправильно понимаютъ и цѣнятъ одна другую... Настоящій парламентъ много будетъ содѣйствовать тому, чтобы исправить эти ошибки и сдѣлать ихъ отнынѣ невозможными“. Старательно развивая мысль о существенномъ единствѣ всѣхъ религій и указывая основаніе этого единства въ общемъ признаніи единого Отца всѣхъ — Бога и братства всѣхъ людей, парламентскіе ораторы доказывали, что „у всѣхъ благочестивыхъ людей, гдѣ-бы они ни были, — одни стремленія, одни надежды и желанія“ (м. Барроусъ), что „любовь не знаетъ различія религій“ (кард. Джиббонсъ), что „какъ бы мы ни различались въ вопросахъ вѣры, есть одно общее у всѣхъ насъ, — это сознаніе человѣческой общности“ (арх. Фиганъ) — „сознаніе, что всѣ люди братья“. (м. Гигинботэмъ). „Люди противоположныхъ взглядовъ и секты, различныя по своимъ принципамъ и исторіи, могутъ составить одно собраніе, одну семью, одно тѣло“... (Мозумдаръ) „вмѣсто антагонизма между религіями можетъ быть и дружба“. (Кандлинъ). Соединивъ на своихъ собраніяхъ представителей разныхъ религій, Чикагскій парламентъ долженъ былъ содѣйствовать ихъ знакомству, а потому и привести ихъ къ сближенію и дружбѣ. „Я увѣренъ, говорилъ Р. Шибата, что такія повторяющіяся собранія будутъ способствовать объединенію всѣхъ религій міра и приведутъ всѣ враждующія націи къ мирнымъ отношеніямъ“. „Отнынѣ, восклицалъ м. Боннэй, религіи міра уже не будутъ вести войну другъ съ другомъ“.

Итакъ фанатизму пришелъ конецъ, религіозныхъ войнъ больше не будетъ. Съ этою надеждой и мы, пожалуй, согласны; намъ тоже думается, что для такого рода явленій пора теперь дѣйствительно уже миновала; но причина этого не въ Чикагскомъ парламентѣ, который на дѣло осуществленія этого великаго результата внесъ съ своей стороны лишь посильную маленькую лепту. Не потому, конечно, не будетъ больше религіозныхъ войнъ, что состоялся парламентъ въ Чикаго; ихъ такъ-же не было-бы и безъ него, ибо и онъ самъ явился лишь выраженіемъ того современ-

наго настроенія, которое уничтожаетъ возможность рѣзкихъ обнаруженій религіознаго фанатизма. Значеніе парламента въ этомъ отношеніи очевидно стараются преувеличить, не пренебрегая часто употребленіемъ такихъ громкихъ словъ, которыя выражаютъ гораздо болѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. „Всѣ люди братья“, провозгласилъ парламентъ, „поднявъ знамя любви, общенія и братства“, и, если вѣрить его ораторамъ, „отнынѣ наступила новая эпоха братства и мира“. Но такъ-ли и не слишкомъ ли сильны эти выраженія? Въ самомъ лучшемъ случаѣ за парламентомъ можно признать лишь содѣйствіе къ уничтоженію религіознаго фанатизма, а отсюда еще очень далеко до водворенія на землѣ общечеловѣческаго братства. Религіозная вражда служить, конечно, могучимъ препятствіемъ къ братскому общенію людей между собою, но, устранивъ только это препятствіе, еще нельзя торжественно провозглашать, что наступила отнынѣ эпоха братства. Если люди не проливаютъ кровь и не ссорятся другъ съ другомъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ, это еще не значитъ, что они находятся въ братскихъ отношеніяхъ. Только тогда водворится общечеловѣческое братство, когда люди и разновѣрные и единовѣрные, не въ междурелигіозныхъ только сношеніяхъ, но и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей, постоянно будутъ помнить, что они другъ другу братья, и станутъ посильно выражать память объ этомъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Только тогда люди будутъ достойно носить имя братьевъ, когда объ этомъ братствѣ своемъ станутъ помнить не только мусульманинъ или буддистъ при встрѣчѣ съ христіаниномъ, но и богатый съ бѣднякомъ, образованный съ неграмотнымъ, властный и сильный съ подчиненнымъ и слабымъ. Какъ это ни странно, но отсутствіе религіозной вражды, по существу своему, не всегда даже и можетъ быть явленіемъ отраднымъ. Оно можетъ подчасъ свидѣтельствовать лишь объ упадкѣ въ людяхъ религіи, о господствѣ въ нихъ того религіознаго индифферентизма, которому, какъ мы видѣли, не мало съ своей стороны посодѣйствовалъ и Чикагскій парламентъ. Что-же касается истиннаго человѣческаго братства, то оно возможно лишь на религіозной основѣ. Человѣкъ, гордый своими преимуществами силы, ума, богатства или общественнаго положенія, можетъ смириться,

признать себя равнымъ и братомъ другаго, обдѣленнаго судьбою, тогда только, когда сильна въ немъ вѣра въ Того, Кто надъ міромъ, Кто неизмѣримо выше и совершеннѣе всего существующаго, предъ Кѣмъ уравниваются всѣ ничтожныя земныя преимущества. Одна такая вѣра побудитъ его забыть о своихъ преимуществахъ, смиренно преклониться предъ общимъ Отцомъ и Творцомъ всѣхъ Богомъ и протянуть руку своему брату ближнему. Усиленно проповѣдывалъ Чикагскій парламентъ, что Богъ есть общій всѣмъ Отецъ и что всѣ люди братья и эту проповѣдь нужно, конечно, поставить ему въ заслугу; но сдѣлалъ-ли онъ что-либо для осуществленія на землѣ общечеловѣческаго братства? „Осуществить на дѣлѣ братство всѣхъ людей“, говорилъ епископъ Арнеттъ, „это великій вопросъ будущаго“. Подошелъ къ этому вопросу и попытался дать ему посильное рѣшеніе одинъ лишь нашъ соотечественникъ, ин. Волконскій, въ той парламентской рѣчи своей, которая въ свое время обратила на себя общее вниманіе и воспроизведена была во многихъ нашихъ органахъ печати. „Мы трактуемъ о братствѣ людей, говорилъ онъ, какъ о предметѣ, которому слѣдуетъ положить основаніе; мы смотримъ на него какъ на какое-то установленіе, которое необходимо создать и организовать; смотримъ какъ на вещь несуществующую, къ которой необходимо призвать къ жизни. Люди какъ будто хотятъ сказать: мы не братья между собою, но постараемся сдѣлаться таковыми. Да, попробуемъ сдѣлаться братьями, какъ ни трудно это осуществить; сдѣлаемъ надъ собою усиліе: вѣдь мы люди цивилизованные, просвѣщенные! А настоящее просвѣщеніе немыслимо безъ идеи о всеобщемъ братствѣ. Братство есть вѣнецъ цивилизации! — Нѣтъ, лэди и джентльмены, идея о братствѣ не есть *вѣнецъ*, а *основа* цивилизации, и если образованіе не построено на такой прочной основѣ, то никакія послѣдующія усилія не исправятъ ошибки сдѣланной при закладкѣ. Намъ не для чего *дѣлаться* братьями. Намъ нужно лишь стараться не забывать что мы *есмы братья*“... „Я думаю, что вопросъ о братствѣ людей есть чисто вопросъ воспитательный и что идея о немъ должна прививаться намъ съ дѣтства и быть положена *въ основаніе первоначальной школы*“...

Не достаточно только проповѣдывать идею братства; нужно воспитывать людей такъ, чтобы они дѣйствительно были братьями.

Для возможной полноты своего очерка мы должны наконецъ указать на то научное значеніе, которое приписывали и приписываютъ Чикагскому парламенту многіе ученые люди съ Максомъ Мюллеромъ во главѣ. М. Боннэй заявлялъ, какъ мы видѣли, что обильнымъ источникомъ всякаго рода предубѣжденій служить недостаточное знакомство религій между собою. Въ особенности представители язычества въ парламентѣ не разъ горько жаловалось на то, что объ ихъ религіяхъ имѣются въ христіанскихъ обществахъ большею частію весьма скудныя, смутныя и даже совсѣмъ искаженныя представленія. Одинъ изъ ораторовъ, Цейлонскій буддистъ Дармапала, ловкимъ маневромъ искусно подтвердилъ и иллюстрировалъ эту мысль даже на самомъ парламентѣ. Въ одномъ изъ второстепенныхъ собраній (не въ Колумбовой залѣ) онъ обратился къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ съ вопросомъ: кто изъ нихъ читалъ жизнеописаніе Будды? Въ знакъ утвердительнаго отвѣта пятеро изъ присутствовавшихъ подняли свои руки. „Только пять!“ воскликнулъ Дармапала. „А вѣдь четыреста семьдесятъ пять милліоновъ людей держатся этой нашей религіи любви и надежды. Вы называете себя націей, великой націей, и не знаете исторіи этого великаго учителя. Какъ-же вы осмѣливаетесь судить о насъ!“ Вотъ этой-то бѣдѣ, этому недостаточному знакомству съ различными религіями, и долженъ былъ помочь Чикагскій парламентъ. Открывая его собранія, м. Барроусъ называлъ его „первою сравнительною школой религій“ и хвалился, что предъ слушателями „раскрыта будетъ великая и удивленія достойная программа“; имъ дано будетъ „слишкомъ много, чтобы во всей полнотѣ вмѣстить одному уму въ продолженіе семнадцати дней нашихъ сессій“... „Изъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій настоящаго времени, говорилъ м. Момери, всего серьезнѣе, интереснѣе и важнѣе сравнительное изученіе религій, и я увѣренъ, что урокъ, даваемый теперь по этой части Америкою всему міру, будетъ гораздо плодотворнѣе всякихъ частныхъ кабинетныхъ занятій“... „Этотъ парламентъ, по словамъ д-ра Мак-Ферсона, представляетъ со-

бою наилучшій и единственный въ исторіи человечества случай къ сравнительному изученію религій“. Если припомнимъ, что въ парламентскихъ рефератахъ, кромѣ истинъ христіанскихъ, кромѣ обще-богословскихъ, философскихъ, социальныхъ и разныхъ другихъ вопросовъ, подробно и съ различныхъ сторонъ изображались и іудейство, и буддизмъ, и магометанство, и шиитоизмъ, и парсизмъ, и джайнизмъ и т. д., то можно, кажется, сказать, что Чикагскій парламентъ былъ дѣйствительно замѣчательною школою для сравнительнаго изученія религій. Тѣмъ болѣе эта школа должна была имѣть значенія, что каждая религія изображалась здѣсь ея собственнымъ убѣжденнымъ представителемъ. По замыслу организаторовъ парламента, религія, какъ мы знаемъ, стала предметомъ выставки, а потому, понятно, и приложено было все стараніе, чтобы ея различныя вѣтви предстали предъ взоромъ публики съ надлежащею характерностію и полнотою. Мы не беремъ судить, насколько представленныя публикѣ изображенія были точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, насколько научно-достоверны были тѣ свѣдѣнія, которыя сообщались въ парламентѣ о разныхъ религіяхъ; но намъ думается, что къ нимъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою осторожностію. Вѣдь критики и возраженій въ парламентѣ, какъ извѣстно, не допускалось и сами организаторы предиріятія сознаются, что языческія религіи напр. представлены были съ ихъ „показной стороны“. Выставка религіозная была въ этомъ случаѣ какъ и всякая другая выставка, гдѣ по красиво расположеннымъ въ витринахъ экспонатамъ далеко не всегда можно съ увѣренностію судить о дѣйствительномъ состояніи той или другой отрасли искусства и промышленности. Впрочемъ какъ бы то ни было, хотя-бы сообщавшіяся въ рефератахъ свѣдѣнія и не всегда отличались безукоризненною точностію, во всякомъ случаѣ, по громадному количеству предложеннаго матеріала и по своеобразности его источниковъ, нельзя, намъ кажется, не признать за Чикагскимъ парламентомъ серьезнаго научнаго значенія. Вопросъ только въ томъ: имѣла-ли право христіанская Америка въ интересахъ науки сравнительнаго изученія религій прибѣгать къ такому средству, какъ религіозный парламентъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ

быть, по нашему мнѣнію, только отрицательнымъ. Какъ-бы ни велика была научная польза Чикагскаго предпріятія, она ничтожна въ сравненіи съ тѣми существенными вредными послѣдствіями, какими сопровождалось оно въ религіозномъ отношеніи. Многіе хорошо понимали это гораздо ранѣе открытія парламента, а другіе, къ сожалѣнію, поняли только впоследствии. Архіепископъ Кантербурийскій напр., къ огорченію многихъ своихъ соотечественниковъ, смѣло и прямо, какъ мы видѣли, выразилъ свое несочувствіе унизительной и вредной для христіанства американской затѣѣ, а протестанскій епископъ Кэмблль имѣлъ несчастье, уже побывавши на парламентѣ, публично выражать свое сожалѣніе о томъ, что далъ на него свое согласіе. Мы съ своей стороны можемъ лишь порадоваться, что наша Православная Русская церковь не приняла оффиціального участія въ Чикагскомъ предпріятіи, не смотря на обращенныя къ ней настойчивыя приглашенія. Христіанскимъ организаторамъ парламента слѣдовало-бы съ гораздо большею серьезностію подумать о возможныхъ послѣдствіяхъ затѣвшаго ими предпріятія; но его бьющая въ глаза оригинальность и внѣшній эффектъ были, очевидно, настолько въ американскомъ вкусѣ, настолько льстили національному тщеславію, что, осуществляя свою затѣю, американцы, по видимому, больше заботились объ успѣхѣхъ своей всемірной выставки, чѣмъ объ интересахъ христіанства.

Теперь пресловутый религіозный парламентъ уже давно закрылся. Занавѣсъ опущенъ; піеса окончена. Что-же, опять спросимъ мы, плакать намъ, или смѣяться?—Да, это было-бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

В. Соколовъ.
